

СМОЛЕНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Цѣна годовому изданію 4 руб. 50 коп. сер. съ пересылкою. Выходятъ 1 и 15 числа каждаго мѣсяца.

Сентября 15-го № 18. 1865 г.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО іюля 17 дня

1865 г. соизволилъ Высочайше утвердить опредѣленіе Святейшаго Синода о наименованіи Викарія С.-Петербургской епархіи, епископа Ревельскаго епископомъ Ладожскимъ.

II.

РАСПОРЯЖЕНІЯ

ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Виленскій, Ковенскій и Минскій Генераль Губернаторъ и главный начальникъ Витебской и Могилевской губерній, отношеніемъ отъ 12 августа 1865 г., объясняя Его Пресвященству,

что нѣтъ никакой возможности пріискать русскихъ уроженцевъ для замѣна волостныхъ писарей католиковъ, просилъ Его Преосвященство не признаетъ ли онъ возможнымъ выслать изъ вѣренной ему епархіи въ распоряженіе Минскаго Губернатора двадцать молодыхъ людей для занятія означенныхъ должностей, приказавъ изъявившимъ желаніе отправиться на службу въ здѣшній край, явиться къ начальнику Смоленской губерніи, которому вмѣстѣ съ симъ сообщено о выдачѣ имъ прогоновъ и подъемныхъ денегъ на путевыя издержки.

Къ этому присовокупляетъ, что волостные писаря получаютъ содержанія отъ 80 до 150 руб. отъ обществъ, смотря по обширности волостей, и кромѣ того, имъ отводится бесплатное помѣщеніе, съ отопленіемъ и отпускается крестьянами провизія, въ количествѣ достаточномъ на ихъ прокормленіе.

На семъ отношеніи 18 августа 1865 года послѣдовала таковая резолюція Его Преосвященства: «черезъ напечатаніе сего отношенія въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ объявить всѣмъ уволеннымъ изъ училищнаго вѣдомства ученикамъ, чтобы желающіе изъ нихъ занять должности волостныхъ писарей въ означенной губерніи явились въ консисторію для надлежащаго распоряженія касательно отправленія ихъ на мѣсто службы.»

—Мировой посредникъ гжатскаго уѣзда 1-го участка, отношеніемъ отъ 10 августа 1865 года (за № 578), донесъ Его Преосвященству, что онъ, находясь 13 прошлаго іюня вмѣстѣ съ градскимъ уѣзднымъ исправникомъ, благочиннымъ гжатской Соборной Благовѣщенской церкви отцомъ Іоасафомъ Пушновымъ, почетными лицами обоего пола, и родителями

учащихся, при испытаніи учениковъ Столбовскаго приходскаго училища, — съ особеннымъ удовольствіемъ слушалъ бойкіе отвѣты мальчиковъ, не болѣе семи мѣсяцевъ начавшихъ въ этой школѣ учиться грамотѣ. — Умѣнье читать церковную и гражданскую печать, разсказать довольно обстоятельно многія мѣста изъ священной Исторіи; — прочесть молитвы съ разумѣніемъ; — знаніе 4 правилъ ариѳметики; — умѣнье класть на счетахъ и наконецъ весьма удовлетворительные опыты въ чистописаніи, — ясно говорятъ о быстрыхъ успѣхахъ учениковъ, и слѣдовательно объ усердной дѣятельности наставника, окончившаго курсъ наукъ въ смоленской духовной семинаріи Василя Чанцова. — Соединяя съ знаніемъ дѣла правильное понятіе о настоящихъ потребностяхъ народа въ дѣлѣ грамотности, — онъ съумѣлъ въ духѣ православія передать своимъ ученикамъ всѣ вышепрписанные предметы, а кроткимъ обращеніемъ съ дѣтьми приобрѣлъ столь необходимое довѣріе учениковъ и, что еще важнѣе, самихъ родителей. —

На семь отношеніи 16 августа 1865 года послѣдовала таковая резолюція Его Преосвященства: «наставнику сельской Столбовской школы Чанцову объявить благодарность Епархіальнаго начальства, а самое отношеніе сіе напечатать въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ».

— Бѣльскій уѣздный Благочинный священникъ Павелъ Лосевскій, при рапортѣ отъ 8 августа 1865 года (за № 178), представляя на благоусмотрѣніе Его Преосвященства приговоръ временно-обязанныхъ крестьянъ будинской волости касательно содержанія будинскаго волостнаго училища и при ономъ наставника, просилъ Его Преосвященство сдѣлать распоряженіе о назначеніи въ будинское училище постояннаго наставника изъ кончившихъ курсъ семинаріи, и если возможно, таковаго, который могъ бы обучать крестьянскихъ дѣтей и церковному пѣнію.

На семь рапортъ резолюція Его Преосвященства 19 августа 1865 года послѣдовала таковая: «приговоръ крестьянъ о семь училищъ напечатать въ вѣдомостяхъ епархіальныхъ, съ тѣмъ, чтобы желающій изъ кончившихъ курсъ явился для занятія должности наставника при семь училищъ».

ПРИГОВОРЪ

Волостнаго схода крестьянъ Будинской волости касательно содержанія Будинскаго волостнаго училища и при ономъ наставника.

1865 года юлія 26 дня мы нижеподписавшіеся, смоленской губерніи, бѣльскаго уѣзда, 1 мирового участка будинской волости временно-обязанные крестьяне разныхъ селеній, бывъ сего числа въ нашемъ волостномъ правленіи на волостномъ сходѣ постановили: 1) Для обученія нашихъ крестьянскихъ дѣтей грамотѣ, закону Божію и другимъ наукамъ имѣть постоянно при нашемъ волостномъ правленіи одно волостное училище для двухъ приходоѡ—Будинскаго и Спаскаго, которое съ 1861 года всегда находилось на содержаніи будинской волости. Училище это мы обязуемся общими силами поддерживать и заботиться объ его устройствѣ, содержаніи и отопленіи. 2) Для лучшаго и безъостановочнаго обученія дѣтей всегда имѣть при училищѣ наставника непременно изъ окончившихъ курсъ семинаріи, почему считаемъ необходимымъ обратиться къ нашему Архипастырю, Преосвященнѣйшему Антонию, Епископу Смоленскому и Дорогобужскому съ покорнѣйшею просьбою, дабы онъ благоволилъ наше будинское училище считать на—равнѣ съ имѣющимися въ казенныхъ волостяхъ, и опредѣлять намъ хорошихъ наставниковъ. 3) На содержаніе наставника производить жалованье изъ общественныхъ суммъ восемьдесятъ рублей сереб. за учебный годъ, который считать

съ 15 сентября по 1 июня, исключая 15 дней для праздника Рождества Христова, въ кои дни ученики будутъ свободны отъ училищныхъ занятій. И какъ учебный годъ будетъ состоять изъ восьми мѣсяцевъ, то въ каждый таковой мѣсяцъ производить жалованья наставнику по 10 руб., а въ неучебное время онъ жалованья не получаетъ, а можетъ свободенъ быть отъ училища и заниматься другими дѣлами, приличными его званію. 4) Такъ какъ наблюденіе за обученіемъ дѣтей и поведеніемъ въ училищѣ нашемъ имѣли до сего времени ктиторъ церкви нашей помѣщикъ коллежскій ассесоръ и кавалеръ Николай Матвѣевичъ Ельчаниновъ и приходскій священникъ нашъ и благочинный отецъ Павелъ Лосевскій, которые сверхъ того занимались и преподаваніемъ наукъ; то принося имъ нашу искреннюю благодарность, просить ихъ, дабы они и на будущее время не оставляли своего наблюденія за училищемъ и попеченія о немъ, а равно и участія въ образованіи нашихъ дѣтей, которое всегда мы считаемъ для нихъ полезнымъ и благотворнымъ. 5) Приговоръ сей выдать на руки мѣстному села Будина священнику и благочинному отцу Павлу Лосевскому, для представленія онаго кому слѣдуетъ. Сей приговоръ составили и къ оному руки—приложили.

(Слѣдуютъ подписи.)

— Духовщинскій уѣздный Благочинный священникъ Теодоръ Гальковский, рапортомъ отъ 24 іюля 1865 года (за № 155), донесъ Его Преосвященству, что Ульховское приходское попечительство покорнѣйше просить Его Преосвященство въ образовавшееся въ селѣ Ульховѣ приходское училище, состоящее изъ 42 крестьянскихъ мальчиковъ и 3 дѣвочекъ, опредѣлить достойнаго наставника, который бы могъ устроить и хоръ пѣвчихъ. Жалованье наставнику полагается отъ приходскаго попечительства 50 р. с. въ годъ, содержаніе же и квартиру будетъ доставлять ему приходскій священникъ.

На семь рапортѣ 19 августа 1865 г. послѣдовала такая резолюція Его Преосвященства: «препровождается въ консисторію, которая имѣетъ внести училище сіе въ вѣдомость, и напечатать о немъ въ Вѣдомостяхъ Епархіальныхъ, съ тѣмъ, чтобы желающій изъ кончившихъ курсъ явился для занятія должности наставника при семъ училищѣ.»

— Порѣчьскаго уѣзда села Каспли священникъ и наставникъ сельскаго училища Аонасій Неудачинъ вошелъ къ Его Преосвященству прошеніемъ, въ коемъ, объясняя, что отправленіе требъ по приходу не позволяеть ему исключительно посвятить себя обученію крестьянскихъ дѣтей въ такомъ многолюдномъ училищѣ, каково Касплинское, гдѣ обучается Русской грамотѣ болѣе тридцати учениковъ, помимо временно приходившихъ для изученія молитвъ и догматовъ православной Вѣры, проситъ назначить въ помощника ему по училищу кого либо изъ окончившихъ курсъ семинаріи. Къ этому присовокупляетъ, что мировой посредникъ перваго участка порѣчьскаго уѣзда согласился опредѣлить будущему помощнику наставника 50 руб. сер. отъ общества, 2 1/2 четверти ржи и квартиру въ домѣ волостнаго правленія, если только онъ согласится заниматься и письмоводствомъ по канцеляріи волостнаго правленія, гдѣ по малочисленности волости не много потребуется времени на канцелярскія занятія.

На семь рапортѣ 19 августа 1865 г. послѣдовала такая резолюція Его Преосвященства: «училище сіе внести въ вѣдомость, если оно не было внесено еще прежде, и напечатать о немъ въ Вѣдомостяхъ Епархіальныхъ съ тѣмъ, чтобы желающій изъ кончившихъ курсъ явился для занятія мѣста учителя въ семъ училищѣ.»

— Ельнинскій уѣздный Благочинный священникъ Іоаннъ Бѣлогорскій, согласно его прошенію, уволенъ Его Преосвященствомъ отъ должности Благочиннаго;—при чемъ Бѣлогор-

скому объявлена благодарность Его Преосвященства за усердную и полезную службу.

—Его Преосвященством рукоположены во священника: 6 августа диаконъ тюремно-Николаевской Смоленской церкви Андрей Синяковъ въ село Львово бѣльскаго уѣзда; 21 августа диаконъ Александръ Полчаниновъ въ село Покровское гжатскаго уѣзда; 26 августа—диаконъ Николай Соколовъ въ село Песочню сычевскаго уѣзда.

III

РАСПОРЯЖЕНІЯ

ДУХОВНО—УЧИЛИЩНАГО НАЧАЛЬСТВА.

—По опредѣленію правленія Смоленской семинаріи отъ 11-го августа, утвержденному Его Преосвященствомъ 14-го августа, учитель Смоленскаго духовнаго уѣзднаго училища *Студентъ Стефанъ Медвѣдовъ*, согласно его прошенію, уволенъ отъ учительской должности по болѣзни.

—По утвержденному Его Преосвященствомъ опредѣленію правленія семинаріи отъ того же числа 1.) *предназначены:*

а.) Инспекторъ и учитель Смоленскаго духовнаго уѣзднаго училища *Левъ Кулюкинъ* на должность учителя высшаго отдѣленія тогоже училища, на мѣсто уволеннаго отъ службы учителя Медвѣдова; б.) на мѣсто Кулюкина на должность учителя средняго отдѣленія смоленскаго училища—учитель низшаго отдѣленія тогоже училища *Священникъ Николай Каченовскій*, и в.) на мѣсто Каченовскаго на должность учителя низшаго отдѣленія оставшійся за штатомъ учитель закрытаго приготовительнаго класса при смоленскомъ училищѣ *Егоръ Руженцевъ*; г.) Студенты семинаріи *Константинъ Копутовскій* и *Михаилъ Медвѣдовъ* на должность учителей вновь открытаго параллельнаго класса въ высшемъ отдѣленіи вяземскаго училища. 2.) *Опредѣлены:* а.) репетиторы смолен-

скаго училища студенты *Алексій Пашиль* и *Тимофей Чернавскій*—учителями вновь открытаго параллельнаго класса въ среднемъ отдѣленіи вяземскаго училища; б.) Студентъ *Семень Цептковъ*—учителемъ вновь открытаго параллельнаго класса въ низшемъ отдѣленіи вяземскаго училища; в.) Студенты—*Амфианъ Клитинъ* и *Петръ Доброленскій*—репетиторами при смоленскомъ духовномъ училищѣ; г.) Студентъ *Петръ Сивявскій*—репетиторомъ при бѣльскомъ училищѣ; д.) Студенты—*Василій Соколовъ* и *Иванъ Санковскій*—репетиторами при вяземскомъ училищѣ и ж.) Студентъ *Василій Качевскій*—репетиторомъ при рославльскомъ духовномъ училищѣ.

— По опредѣленію правленія смоленской семинаріи 1 сентября 1865 г., утвержденному Его Преосвященствомъ, кончившій въ 1863 году курсъ ученія воспитанникъ смоленской семинаріи, дьяконъ *Теодоръ Сементовскій* послѣ произведеннаго ему въ правленіи семинаріи испытанія, возведенъ въ званіе студента семинаріи.

— Въ С.-Петербургѣ у *Кораблева* и *Сиракова* и другихъ извѣстныхъ книгопродавцевъ поступила въ продажу брошюра: «ПЛАЧЬ» И «УТѢШЕНІЕ РОССИИ», два стихотворенія: 1) по случаю кончины *Благовѣрнаго ГОСУДАРЯ ЦЕСАРЕВИЧА* и *ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА* и 2) по случаю торжества присяги *Благовѣрнаго ГОСУДАРЯ ЦЕСАРЕВИЧА* и *ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА*.

Цѣна: 5 коп. с.; пересылка до 10 экз. 10 коп., 40 экз. бесплатно; 100 экзем. съ пересылкою 4 руб.

Дозволено духовною Цензурою. СПБ. 31 Юля 1865 года.

Редакторъ Архимандритъ *Населъ*.

Печатать дозволяется Цензоръ Священникъ *Д. Лебедевъ*.

Смоленскъ 1865 года Сентября 3 дня. Въ частной типографіи

Подпор. А. Н. Перешлетчикова.

ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ СМОЛЕНСКИМЪ

ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ.

Сентября 15. № 18. 1865 года.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ПЕРВЫХЪ СОБРАНІЯХЪ ПРИХОДСКАГО ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА ПРИ СМОЛЕНСКОЙ НИЖНЕ-НИКОЛАЕВСКОЙ ЦЕРКВИ.

11-го іюля сего года часовъ около 7 пополудни члены образовавшагося при нашей церкви приходскаго попечительства, по общему согласію, въ первый разъ собрались въ церковномъ притворѣ для своихъ занятій. Нельзя не замѣтить прежде всего, что изъ 17-ти избранныхъ членовъ попечительства 5 человекъ, къ сожалѣнію, не нашли интереса притти и на первое засѣданіе. Что касается до причины ихъ отсутствія; то инымъ помѣшали притти въ собраніе житейскія обстоятельство. Это, конечно, извинительно; но не мѣшало бы уладить дѣло такъ, чтобы не потерпѣть убытку въ домѣ и не оставлять безъ вниманія общаго приглашенія въ собраніе, которое продолжалось всего около полутора часа и членомъ котораго каждый избранъ голосомъ всего прихода. Но еще не

пріятіе другая причина, которая не дозволила нѣкоторымъ посѣтить собраніе. Это—холодность и равнодушіе къ дѣлу; это—предубѣжденіе, часто выражаемое и словами, что изъ попечительства никакого толку не будетъ, что тамъ нечего дѣлать,—не зачѣмъ и ходить. Какъ ни прискорбно слышать такой образъ мыслей; но, къ чести членовъ нашего попечительства и къ чести многихъ изъ прихожанъ, мы долгомъ считаемъ сказать, что въ составѣ членовъ нашего попечительства, равно какъ и въ числѣ прихожанъ, есть люди, которые только ждутъ случая приложить свою христіанскую любовь къ дѣлу, которые сочувствуютъ всякому добруму предпріятію и которые, по ихъ собственнымъ словамъ, «отъ души желали бы сдѣлать что—либо доброе и никогда не прочь отъ добраго дѣла.» Такія лица были и въ первомъ собраніи.

Собрались члены и ждали начала... Одинъ изъ членовъ попечительства, сказавъ кратко объ утвержденіи попечительства высшимъ начальствомъ, началъ съ самаго основанія: можетъ—ли при нашей церкви существовать приходское попечительство, или нѣтъ? Желательно, говорилъ онъ, чтобы наше попечительство, какъ доброе и христіанское дѣло, не существовало на одной только бумагѣ и по одной только формѣ, подобно нѣкоторымъ учрежденіямъ въ нашей общественной жизни, на которыхъ подаются голоса и избираются члены на службу; но вся эта служба отправляется не—хотя и только для формы, желательно было бы, чтобы наше попечительство *жило и дѣйствовало* по своимъ силамъ и средствамъ... Такъ—какъ собраніе членовъ имѣло совершенно домашній характеръ и никто не имѣлъ причины стѣсняться въ выраженіи своихъ мыслей, то нѣкоторые изъ членовъ прямо говорили, что, *по всей вѣроятности*, это такъ и будетъ, тѣмъ дѣло и кончится т. е. все ограничится одною формою. Въ примѣръ они приводили прежніе опыты учрежденія, по волѣ начальства,

различныхъ благотворительныхъ комитетовъ, среди крестьянъ: эти комитеты, по ихъ словамъ, не существовали и тогда. При дальнѣйшемъ разговорѣ о предметѣ и цѣли приходскихъ попечительствъ, эти члены говорили, что до учрежденій земства достиженіе сихъ цѣлей не возможно. Какъ—будто съ учрежденіемъ земства всѣ блага, какъ дождь на голову, польются на нашу жизнь сами собою; какъ—будто тогда не нужно будетъ изыскивать предметы и обсуждать ихъ общими силами, какъ—будто тогда не придется все *начинать* сначала и *постепенно* прилагать къ жизни. Другіе члены возражали противъ этого: завязался довольно оживленный споръ, въ которомъ говорилось о предметѣ *за* и *противъ*.

Далѣе хотя Высочайше утвержденное положеніе о приходскихъ попечительствахъ вполнѣ было прочитано въ предварительномъ собраніи изъ 10 почетныхъ прихожанъ и, для ознакомленія съ мыслью и цѣлью сего положенія, нѣсколько экземпляровъ роздано было членамъ прихода; но видно было, что нѣкоторые даже изъ членовъ попечительства не вполнѣ ясно поняли предметъ и цѣль попечительства. Такъ наприм., предполагая извѣстными предметъ и цѣль приходскихъ попечительствъ и заговоривъ о средствахъ и объ источникахъ сихъ средствъ, упомянули о добровольныхъ жертвованіяхъ. Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ членовъ попечительства спрашивали: да на что, т. е. на какой предметъ, жертвовать? На церковь—что ли? Они вполнѣ были готовы на жертвы, но цѣль ихъ не ясно сознавали. Имъ объяснено было, что—нѣтъ; что наша церковь въ настоящемъ состояніи не имѣетъ нужды въ особенныхъ жертвахъ; нашъ храмъ, благодаря усердію всѣхъ и особенно нѣкоторыхъ лицъ, приверженныхъ къ нему одинъ изъ лучшихъ въ городѣ и онъ можетъ содержать себя и зданія, ему принадлежащія, въ приличномъ видѣ собственными средствами, что есть другіе предметы, которые требуютъ сочувствія

и состраданія приходскаго попечительства. Другіе члены подошли ближе къ дѣлу и желали слѣвать предметомъ разсужденія положеніе низшаго церковнаго причта. Хотя этотъ предметъ вполне заслуживалъ обсуждения, но на первыхъ порахъ онъ признанъ не своевременнымъ и отложенъ до слѣдующаго времени: прежде всего хотѣлось познакомить членовъ прихода съ общимъ духомъ и главною мыслью приходскихъ попечительствъ и для этой цѣли вниманіе членовъ попечительства обращено было на нѣкоторыя стороны приходской жизни, которыя заслуживаютъ общаго христіанскаго сочувствія. Такихъ примѣровъ приведено было нѣсколько..... Какъ многимъ совершенно незнакомымъ, другими и не подозрѣваемымъ, эти стороны бѣдности приходской жизни возбудили почти всеобщее недоумѣніе и были причиною различныхъ вопросовъ. Такъ одни съ удивленіемъ спрашивали: не уже-ли подобныя явленія существуютъ въ нашемъ приходѣ? Другіе говорили: а почему же намъ никто не сказалъ о семъ (выставленъ былъ одинъ случай приходской жизни)? этотъ случай вполне заслуживаетъ христіанской помощи и мы бы съ удовольствіемъ помогли. Первымъ было сказано, что нужно поближе присмотрѣться къ жизни, чтобы замѣтить нужды ближнихъ; а вторымъ замѣчено, что изъ постороннихъ никто не имѣлъ права обращаться къ нимъ за помощію, а лица нуждающіяся не смѣли беспокоить ихъ: часто великое горе бываетъ очень терпѣливо и само никогда не выскажется!..... Изъ разсужденій о сихъ и подобныхъ предметахъ можно—было замѣтить, что—съ одной стороны—слѣдовало, какъ можно болѣе, уяснить всѣмъ главную мысль приходскихъ попечительствъ: съ нею слѣдуетъ познакомиться каждый приходскій домъ; съ другой—что въ душѣ русскаго челоуѣка много добраго—христіанскаго чувства, какъ земли на Руси...., но нужно ждать времени, которое бы дало ему правильное направленіе.... При разсужденіи о сред-

ствахъ попечительства разговаривались о нищихъ, бродящихъ по городу: о нихъ всё были одного мнѣнія. По опыту знавшихъ поведеніе, характеръ, образъ жизни и привычки, всё члены заявляли, что нищенство составляетъ большое зло въ нашей жизни, что большинство нищихъ злоупотребляетъ христіанскою милостынею, а потому и недостойны ея, что суммъ, которая раздается имъ ежедневно по немного, а въ годъ составить порядочное количество (не менѣе 700 руб. сер.) слѣдуетъ дать другое болѣе разумное и правильное направленіе. Такой взглядъ на бродящихъ нищихъ издавна знакомъ всѣмъ и каждому; но несмотря на это все—же каждый спѣшитъ подать и свою лепту этимъ нищимъ. Когда вопросъ о семъ предметѣ возбужденъ былъ открыто; всё согласны были съ тѣмъ, что ежедневно подаваемая милостыня не производитъ ничего добраго: не облегчаетъ нужды ближняго, не уменьшаетъ нищенства, а только умножаетъ его, что милостыня бродящимъ нищимъ подается съ сознаниемъ ея бесполезности для просящаго и производится только по привычкѣ и по зведенному порядку; было высказано нѣсколько слѣнъ изъ жизни этихъ нищихъ, которыя должны бы были научить большей разборчивости въ подаваніи милостыни. Но съ привычками разставаться не легко, а потому нѣкоторые изъ членовъ скоро заявили, что «уже трудно отказаться отъ прежняго образа дѣйствій, совѣсть не будетъ покойна.» Съ другой стороны—и къ нуждамъ приходскихъ братьевъ было возбуждено почти общее сочувствіе. Это можно было замѣтить изъ того, что члены попечительства, поговоривши между собою, тутъ же предложили подписку въ пользу бѣдныхъ своего прихода съ тѣмъ, чтобы эта сумма составила основной капиталъ имѣющихъ образоваться средствъ попечительства. Впрочемъ, эта предложенная подписка нѣкоторыми изъ членовъ была устранена, и по слѣдующимъ причинамъ: подписка хороша только тогда, когда помощь требуется

единовременная а не терпящая отлагательства, и попечительство имѣть въ виду помощь постоянную, не прекращающуюся; съ другой стороны, подписка могла стѣснить чувство и совѣсть нѣкоторыхъ изъ присутствующихъ: пожертвовать немного, для нихъ было бы щекотливо, имѣя въ виду примѣръ другихъ; пожертвовать наравнѣ съ другими было—бы чувствительно; при томъ могла родиться мысль, что избранные члены попечительства *непрѣменно должны* жертвовать, и безъ этого нельзя быть и членомъ. Кромѣ сего, при открытой подпискѣ въ доброе христіанское дѣло невольно вкралось бы тщеславіе — значительностію жертвы выставить себя въ примѣръ другимъ, а желалось, чтобы попечительство основано было на христіанскомъ сочувствіи къ нуждамъ другихъ и христіанскомъ состраданіи, чтобы жертвы были совершенно добровольныя и необременительныя для жертвователей, чтобы дѣло попечительства не носило на себѣ officialнаго характера, а приняло видъ дѣла приходскаго и домашняго. Послѣ взаимныхъ совѣщаній было рѣшено: устроить кружку съ надписью «для благотворительныхъ дѣлей въ приходѣ,» поставить ее въ церкви и собирать въ нее то, что кому угодно положить; вскрыть ее чрезъ мѣсяць или два, собранное внести въ приходную книжку и, по возможности, изъ сихъ средствъ помогать открывающимся нуждамъ въ приходѣ. На это послѣдовало общее согласіе. Впрочемъ, чтобы скорѣе начать дѣло члены попечительства добровольно согласились сами положить въ кружку, сколько кому угодно, вскрыть ее чрезъ двѣ недѣли и опущенное въ ней записать основнымъ капиталомъ приходскаго попечительства, къ которому будутъ прибавляться приношенія и сборъ въ кружку, поставленную въ церкви. Тѣмъ и кончилось первое засѣданіе нашего приходскаго попечительства. Срокъ вскрытія кружки и втораго собранія членовъ попечительства приходился на 25 число іюля въ воскресенье; но случившаяся въ этотъ

день непогода помѣшала собраться членамъ, и дѣло отложено до 1-го августа.

1-го августа члены нашего попечительства часовъ въ 7 вечера снова собрались въ церковномъ притворѣ. Замѣчательно, что, когда послѣ перваго собранія сдѣлалась болѣе извѣстною основная мысль приходскихъ попечительствъ, она возбудила къ себѣ много сочувствія и внѣ членовъ попечительства, потому на второе собраніе собрались почти всѣ члены кромѣ тѣхъ, кто или положительно не хотѣлъ или совершенно не могъ притти. Съ другой стороны, на этомъ собраніи всѣ были словно знакомѣ съ дѣломъ и мало уже было замѣтно къ нему неопредѣленности и недовѣрія: предметъ и цѣль попечительствъ болѣе или менѣе были понятны всѣмъ. Сначала былъ предложенъ вопросъ о богадѣльнѣ, именно: въ оградѣ нашего храма въ 1837 году однимъ челоѣкомъ — Гл. устроена была каменная богадѣльня. Съ тѣхъ поръ на нее никто не обращалъ ни малѣйшаго вниманія: церкви она не принадлежала, о проживавшихъ тамъ никто не имѣеть ни какихъ свѣденій, средства живущихъ тамъ неопредѣленны, поставлена она вблизи самага храма и отчасти стѣсняетъ церковную мѣстность, а потому, не возбуждая никакого сочувствія прихожанъ и оставленная безъ вниманія строителемъ, нынѣ она пришла въ совершенную ветхость. О семъ то — предметѣ разсуждали члены; они много высказали дѣльнаго и положили — отнестись къ строителю богадѣльни съ просьбою, чтобы онъ или не замедлилъ исправить ее или передалъ ее въ вѣденіе и распоряженіе приходскаго попечительства. За тѣмъ вскрыта была кружка, о которой говорено было выше: сосчитаны были деньги, положенныя членами попечительства и за подписомъ нѣсколькихъ членовъ внесены въ приходную книгу: ихъ оказалось

118 руб. сер. Конечно, такое доброе начало общаетъ столь же доброе продолженіе; но случай этотъ есть дѣло довольно исключительное: не всѣхъ же приходскихъ попечительствъ члены въ состояніи сдѣлать такъ, какъ поступили члены нашего попечительства, большею частію, безъ труда для себя, имѣющіе возможность сдѣлать пожертвованіе. Посему — то нѣкоторыми членами было замѣчено, что напрасно сдѣлано и это пожертвованіе: оно можетъ привести другихъ къ мысли, что члены попечительства для того — то и выбираютъ, чтобы жертвовать; между тѣмъ средства попечительства должны состояться изъ жертвъ общихъ и необременительныхъ въ слѣдствіе общаго сознанія приходскихъ нуждъ. Противъ этого большинствомъ членовъ было выражено, что они съ своей стороны поступили такъ не въ — слѣдствіе какого — либо принужденія, но единственно по сочувствію къ добрымъ дѣламъ попечительства и на будущее время просили дѣлать извѣстными случаи благотворительности. Этимъ кончилось второе собраніе. Дай Богъ, чтобы сочувствіе членовъ къ мысли попечительства, высказанное на первыхъ порахъ, не ослабѣвало, въ послѣдствіи, а распространялось, усиливалось и приняло разумный характеръ... Мы совершенно согласны съ мыслию, высказанною редакціею православ. Обзорѣнія: «Учрежденіе приходскихъ попечительствъ (и — добавимъ — каждаго попечительства въ частности) такъ бы ни шло оно медленно и трудно, есть неизбежный путь, на которомъ современемъ о можетъ быть достигнута желаемая перемена въ бытѣ духовенства.»

Свящ. Д. Лебедевъ.

МЫСЛИ, КОТОРЫМИ МЫ РУКОВОДИЛИСЬ ПРИ ОТКРЫТИИ ПРИХОДСКАГО ПОПЕЧИТЕЛЬ- СТВА (*).

Прежде, нежели кто-нибудь изъ васъ предложить собравшемуся нынѣ въ первый разъ нашему приходскому попечительству для разсмотрѣнія практическіе предметы, позвольте мнѣ предложить вамъ нѣсколько мыслей, которыми, по моему мнѣнію, полезно руководиться намъ въ нашихъ дѣйствіяхъ. И

1.) Прежде всего, дай Богъ, чтобы наше попечительство не существовало по одной только формѣ и на одной только бумагѣ, на которой уже означено, что при такой-то церкви съ такого-то времени открыто приходское попечительство. Вамъ хорошо извѣстно, что наша жизнь часто страдаетъ отъ нашего равнодушія и холодности. Наприм. у насъ есть учрежденія, гдѣ подаются голоса и избираются члены на службу; но вся эта служба отправляется нехотя, по одному только приказанію начальства, а сущности дѣла служащій и знать не хочетъ. Оттого онъ ходитъ на службу и не ходитъ, почти ничего не дѣлаетъ, а только числится служащимъ, и все это продолжается до тѣхъ поръ, пока кончится срокъ его службы. Мы всѣ чувствуемъ, что подобная форма уже насъ чила намъ, наскучило намъ это небрежное и бездушное дѣланіе. А потому отъ души пожелаемъ, чтобы Господь Богъ избавилъ всѣхъ, принадлежащихъ св. храму сему, а особенно избран-ныхъ членовъ попечительства отъ равнодушія и невнимательности къ новымъ обязанностямъ: это равнодушіе служить сязвою для всякаго добраго дѣла. Да и нѣтъ никакихъ причинъ эту лѣнь и бездущіе вносить въ дѣла попечительства: здѣсь голосъ каждаго не можетъ быть голосомъ въ пустынѣ; въ законныхъ предѣлахъ не будетъ причинъ молчать или скрывать

(*). Сущность ихъ была высказана на первомъ собраніи.

истину и свои сужденія, не будетъ никакого принужденія посторонняго; дѣло приходскаго попечительства есть дѣло какъ бы семейное и домашнее. Правда, здѣсь не будетъ вознагражденія за возможный трудъ, какъ не бываетъ его и въ другихъ нѣкоторыхъ родахъ службы; напротивъ случится принести что либо въ жертву и съ своей стороны; но вѣдь есть же въ жизни человѣческой служба и труды, при которыхъ неумѣстна и опасна всякая награда или корысть земная: я разумѣю добрую—христіанскую жизнь и добрыя дѣла; за нихъ будетъ награда, только не на землѣ, а на небѣ, которую мы всѣ желаемъ получить.

Оттого—то прискорбно было слушать нѣкоторые возгласы, которые показывали, что къ приходскому попечительству уже на первыхъ порахъ относятся съ недовѣріемъ и равнодушіемъ. Наприм. одни говорили, что «толку изъ попечительства никакого не будетъ, не стоитъ и начинать этого дѣла.» Другіе не пожелали даже прійти въ предварительное собраніе и отговаривались словами: «пусть дѣлаютъ, что угодно, мы съ своей стороны на все согласны.» Иные страшились жертвованій, какъ будто здѣсь дѣло идетъ о налогѣ или оброкѣ. Есть мысль, будто многіе согласились охотно быть членами попечительства по невѣденію, а коль скоро узнаютъ, въ чемъ дѣло; то также легко и охотно откажутся отъ званія членовъ. Чтобы устранить такія и подобныя симъ вещи, слѣдуетъ помнить, что приходское попечительство есть дѣло чистой христіанской любви и, какъ доброе и высокое дѣло, оно съ одной стороны есть обязанность всѣхъ насъ; съ другой—оно также не требуетъ принужденія, какъ и Церковь Христова никого не принуждаетъ къ вѣрѣ въ Иисуса Христа и доброй жизни: оно даетъ намъ только случай выразить свои христіанскія чувства въ разумномъ видѣ; слѣдуетъ помнить, что если, не дай Богъ, попечительство, по мѣрѣ нашихъ силъ, не приложится

къ жизни *нами*; то оно, какъ вполнѣ доброе и близкое намъ дѣло, непременно сдѣлается обыкновеннымъ *въ послѣдующія времена*. Какъ же послѣ будутъ судить о насъ, если этому прекрасному дѣлу мы не положимъ возможно—добраго начала? Мы любимъ смотрѣть на свою общину съ хорошей стороны и считаемъ свой приходъ однимъ изъ лучшихъ въ городѣ; въ настоящемъ случаѣ намъ нужно оправдать это мнѣніе на самомъ дѣлѣ и доказать, что въ немъ дѣйствительно есть добрыя стороны. Посему нашъ долгъ—*уяснить, сдѣлать извѣстнымъ это дѣло вѣснмъ членамъ прихода, чтобы всѣ безъ исключенія приняли въ немъ посильное участіе* (*).

II.) Предметъ и кругъ дѣйствій приходскихъ попечительствъ намъ извѣстны. Благочестивѣйшій ГОСУДАРЬ нашъ, призвавъ силы самаго народа къ обсужденію и удовлетворенію своихъ нуждъ, приглашаетъ насъ самихъ и къ улучшенію нашей нравственно—религіозной жизни. Такова именно цѣль учрежденія приходскихъ попечительствъ при нашихъ церквахъ. Они обязаны заботиться о храмѣ Божіемъ и зданіяхъ, ему принадлежащихъ; помогать служащимъ при церкви, устраивать первоначальныя школы для дѣтей, заводить—больницы, погребать странныхъ и по мѣрѣ своихъ силъ удовлетворять прочимъ нравственнымъ потребностямъ своего прихода.

Большое несчастіе, что у насъ потеряно значеніе прихода; это слово нынѣ употребляется нами по одному преданію и привычѣ. Если бы вамъ вздумалось поискать какихъ—либо признаковъ, которыми отличается одинъ приходъ отъ другаго; то вы, конечно, не найдете ничего, кромѣ пограничныхъ угловъ и улицъ. Въ этомъ отношеніи нельзя не отдать справедливости нѣкоторымъ христіанскимъ обществамъ другихъ странъ и, къ сожалѣнію, не православнымъ. Тамъ часто приходъ или церковная община, распростертая даже на зна-

(*) Эта мысль была вполнѣ передана собранію членовъ.

чительномъ пространствѣ, составляетъ одну нераздѣльную единицу, которая живетъ одною жизнію. Наприм. тамъ признается общимъ дѣломъ общины или прихода—содержать въ приличномъ видѣ храмъ Божій, возводить вновь или поддерживать въ порядкѣ необходимыя для него зданія, помогать въ содержаніи служащимъ при храмѣ, устроить больницу для бѣдныхъ или первоначальную школу для дѣтей прихода, помогать бѣднымъ и под..... Можемъ ли не сказать, что подобный обычай есть доброе и прекрасное дѣло, хотя онъ существуетъ и въ обществахъ неправославныхъ?

А таково именно и должно быть значеніе прихода или церковной общины: это должна быть нераздѣльная единица, малая христіанская церковь, какъ—бы одно христіанское семейство. Въ каждомъ приходѣ нашемъ есть много сторонъ, ссединяющихъ насъ какъ бы въ одну христіанскую семью. Мы живемъ другъ подлѣ друга и составляемъ какъ бы одно малое общество; пользуемся взаимными услугами, учимся жизни другъ у друга, намѣренно или ненамѣренно имѣемъ взаимное вліяніе одинъ на другаго. Но еще важнѣе то, что между членами каждаго прихода есть гораздо высшая связь: мы вмѣстѣ сходимся въ церковныя собранія, въ одномъ храмѣ приносимъ Господу Богу свои молитвы; въ немъ вмѣстѣ мы изливаемъ свои мысли и чувства предъ очами Господа; въ одномъ мѣстѣ освящаются наши радости и облегчается наше внутреннее горе; вмѣстѣ мы приносимъ Господу Богу безкровную жертву и получаемъ Его благословеніе, въ одномъ храмѣ совершается наше крещеніе, проливается послѣдняя слеза и дается послѣднее цѣлованіе родному или знакомому при погребеніи..... Послѣ сего, неужели—ли нѣтъ никакого общенія между членами каждаго прихода? Неужели нѣтъ глубокой, внутренней связи между членами того общества, которое *одними устами и однимъ сердцемъ* говоритъ: *Господи помилуй!* Или: *Отче нашъ!* . .

Остави намъ доли наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ! . . . Нѣтъ, какъ съ внешней стороны приходъ составляетъ какъ бы небольшое гражданское общество, въ которомъ прежде всего должны раскрываться наши естественныя, житейскія добрыя чувства, такъ съ духовной стороны приходъ или церковная община, послѣ семейства, составляетъ первый кругъ нашихъ ближнихъ, на которыхъ прежде всего должна простираться наша христіанская любовь. И у кого не достаетъ христіанскаго сочувствія къ нуждамъ братій своего прихода; тотъ можетъ ли сочувствовать бѣдствіямъ и страданіямъ людей, далеко отстоящихъ отъ взоровъ? Такъ оно и вышло на дѣлѣ, какъ показали опытъ и какъ мы это увидимъ ниже.

Прошу замѣтить, что, выражая такое понятіе о приходѣ или церковной общинѣ, я нисколько не преувеличиваю предмета. Такъ нѣкогда было на дѣлѣ. Въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ такъ описывается первая христіанская община: *у множества впровавшихъ было одно сердце и одна душа; и никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все было у нихъ общее. И великая благодать была на всѣхъ ихъ. Не было между ними никого нуждающагося; ибо всѣ, которые владѣли землями или домами, продавая ихъ, приносили цѣну проданнаго и полагали къ ногамъ Апостоловъ, и каждому давалось, кто въ чемъ имѣлъ нужду* (4, 32—35). Конечно, эта община безпримѣрная. Она до того высока, что мы съ большимъ трудомъ можемъ узнать себя въ ней, а ее въ своей общинѣ. Какъ Иисусъ Христосъ есть вѣчный образецъ для христіанской церкви; такъ точно и церковь апостольская осталась образцемъ для всѣхъ христіанскихъ поколѣній, которыя всегда будутъ смотрѣть на нее съ чувствомъ благоговѣнія и трепетомъ сердца: это былъ новозавѣтный рай на землѣ! . . . Но при семъ не должно забывать, что у насъ съ первою христіанскою общиною одинъ Господь Иисусъ Христосъ, одна вѣра, одно

крещеніе, одни таинства, одни заповѣди; намъ съ нею одна заповѣдана жизнь, одна любовь; указана одна цѣль, даны одни средства и—одна человѣческая природа. И если мы не можемъ вполне подражать жизни христіанъ первой общины; то, оставаясь вѣрующими въ Иисуса Христа, не можемъ отказаться отъ сильнаго, добросовѣстнаго подражанія дѣламъ ихъ вѣры и любви.

Далѣе, когда вѣра Христова начала распространяться среди языческаго міра, когда находились вѣрующіе среди многолюдныхъ городовъ, наприм. въ Римѣ, который былъ столицею тогдашней вселенной, Коринѣхъ—многочисленнымъ и торговымъ городѣ или Ефесѣ, въ которомъ было огромное число жителей, вѣрующіе въ Иисуса Христа, сколько—бы ихъ ни было въ городѣ, составляли одно общество, одну церковную общину или одинъ приходъ. У нихъ были общія молитвенныя собранія, одно богослуженіе, одни пастыри, одни нужды и потребности, одна жизнь. Посему—то наприм. Ап. Павелъ писалъ свои посланія не къ однимъ какимъ—либо членамъ церковной общины, а ко всѣмъ вообще, наприм. *церкви Божіей, находящейся въ Римѣ, Коринѣхъ, Ефесѣ* и под. . . Что было у нихъ добраго и благочестиваго, тому онъ радовался, хвалилъ ихъ всѣхъ и благодарилъ Бога въ молитвахъ своихъ; а если появлялись въ средѣ ихъ пороки или безпорядки; то онъ признавалъ это дѣломъ цѣлой церкви или общины, скорбѣлъ обо всѣхъ ихъ и всѣхъ членовъ общины призывалъ къ искорененію зла; онъ признавалъ виновными не только самихъ грѣшниковъ, но всѣхъ вообще; потому что они допустили это зло. Такъ наприм. однажды въ Коринѣской церкви появился случай кровосмѣшенія. Узнавъ о семъ Ап. Павелъ писалъ вѣрующимъ сей церкви: и вы остаетесь спокойными и не плачете о семъ, дабы изгнать былъ изъ среды васъ сдѣлавшій такое дѣло? А я, отсутствуя тѣломъ, но присутствуя у

васъ духомъ, уже рѣшилъ какъ бы находясь у васъ, сдѣлашаго такое дѣло, въ собраніи вашемъ во имя Господа Иисуса Христа, обще съ моимъ духомъ, силою Господа нашею Иисуса Христа предать сатанѣ во изможденіе плоти, чтобы духъ былъ спасенъ (1 Кор. 5, 2—5). Вотъ какую великую силу Апостоль находилъ въ Коринтской церковной общинѣ! Еще, въ той же церкви произошелъ другой безпорядокъ: вѣрующіе во Христа въ спорахъ между собою за рѣшеніемъ дѣла обращались ко властямъ языческимъ. Посему случаю Апостоль писалъ имъ: *къ стыду вашему говорю—не—ужели нѣтъ между вами ни одного разумнаго, который могъ бы разсудить между братьями своими* (1 Кор. 6, 5)? Т. е. всякій безпорядокъ онъ признавалъ дѣломъ всей церковной общины. Такъ съ своей стороны поступали и вѣрующіе: посланія Апостола они читали предъ всею церковью, недостатки исправляли общими силами и добрыя дѣла, наприм. сборъ милостыни производили по общему согласію.

Съ теченіемъ времени, когда церковь Христова начала распространяться по землѣ все болѣе и болѣе, а язычество уменьшалось, первоначальныя христіанскія общины, естественно, начали раздѣляться на болѣе мелкія общества: умножались храмы Божіи и вокругъ нихъ устроились малыя церковныя общины, но съ однимъ и тѣмъ же духомъ; ихъ могло быть нѣсколько въ городѣ, гдѣ прежде была одна община; потомъ они начали появляться въ округахъ, внѣ городовъ, и по селамъ, Такъ было во всѣхъ христіанскихъ странахъ, такъ было и въ Россіи. По принятіи вѣры Христовой св. Владиміромъ, сначала вся русская церковь сосредоточивалась въ Кіевѣ, гдѣ просвѣтителемъ Россіи построенъ былъ храмъ Богу истинному, и составляла одну христіанскую общину; съ распространеніемъ ученія Христова по городамъ и селамъ, увеличивалось на русской землѣ число храмовъ Божіихъ, а съ ними вмѣстѣ

умножались и церковныя общины, сохраняя впрочемъ духъ и жизнь своей первоначальной церкви. Такъ дѣло дошло и до настоящаго состоянія, когда, по милости Божіей, у насъ въ каждой значительной вѣси есть храмъ Божій и при немъ приходъ, или церковная община. Все это извѣстно почти каждому изъ васъ; но я указалъ на эти примѣры исторіи для того, чтобы показать, что наши приходы служатъ подобіемъ и какъ бы повтореніемъ перваго на землѣ христіанскаго общества, которое было во Іерусалимѣ при Апостолахъ, гдѣ была одна душа и сердце, гдѣ было все общее и не было ни одного нуждающагося; наши приходы напоминаютъ намъ древнія христіанскія церкви—наприм. Римскую, Коринѣскую, Ефесскую и под., которымъ Ап. Павелъ посылалъ свои посланія и на которыя онъ смотрѣлъ, какъ на одно христіанское семейство; наши приходы представляютъ намъ, въ маломъ видѣ, всю русскую церковь, которая составляетъ часть церкви вселенской; короче: наши приходы подобны членамъ нашего тѣла, которые составляютъ отдѣльныя части цѣлаго, но въ то же время живутъ одною съ нимъ жизнію (*).

Противъ такого понятія о приходѣ, по которому всѣ нравственныя нужды его должны быть дѣломъ общимъ, а не частнымъ, у насъ почти общеприняты мысли, несогласныя съ симъ взглядомъ. Мы привыкли думать и жить по такому наприм. правилу: какое намъ дѣло до другихъ? Всякъ знай себя и отвѣчай за себя; нашъ долгъ быть добрыми людьми, молиться Богу, подавать милостыню, не дѣлать зла другимъ и под.. По видимому, все это справедливо. Но вопросъ въ томъ, возможна ли добрая, христіанская жизнь безъ дѣлъ любви и состраданія къ ближнимъ? Полно ли будетъ наше благочестіе, если мы

(*) Изъ этого отдѣленія сказана была основная мысль: она, впрочемъ почти известна членамъ нашего полечительства, да и прочимъ.....

часто будемъ посѣщать храмъ Божій, строго соблюдать посты или совершать путешествія ко св. мѣстамъ, а не будемъ замѣчать страданій ближнихъ, подлѣ насъ живущихъ, будемъ равнодушно смотрѣть на ихъ нужды и недостатки, которые могли бы быть устранены нашимъ общимъ сочувствіемъ? Не ужели мы можемъ быть правы предъ судомъ Божиимъ и своей совѣсти, если мы не сдѣлали прямого зла нашему ближнему, но не сдѣлали и добра, которое нетрудно было сдѣлать? Много ли, послѣ сего, будетъ христіанскаго духа въ нашей жизни? Не будемъ ли мы въ семь случаевъ ниже народовъ, незнающихъ Іисуса Христа? Потому что извѣстно, что на прим. евреи отличаются большимъ единодушіемъ и сочувствіемъ между собою; у нихъ нѣтъ столько бѣдности и столько нравственныхъ недостатковъ, сколько есть ихъ въ нашей средѣ; у нихъ признается общимъ дѣломъ распространеніе трудолюбія, промышленности, взаимнаго вспомоществованія и грамотности. Конечно, мы не можемъ не одобрить подобный образъ мыслей и дѣйствій; намъ и самимъ присуще чувство состраданія къ другимъ: доказательствомъ сему могутъ служить наши посильныя милостыни, ежедневно подаваемые бѣднымъ. Мы не—прочъ бы и сами отъ подобнаго образа жизни; но у насъ это не вошло въ обычай: какъ жили наши дѣды и отцы, такъ живемъ и мы. Все это правда; но полезно было бы осмыслить дѣло, дать себѣ отчетъ, хорошо ли мы дѣлаемъ и нельзя—ли сдѣлать чего—нибудь болѣе разумнаго? Наша милостыня на прим. не производится ли часто только по привычкѣ и для очистки совѣсти, чтобы ее не упрекнули въ недостаткѣ христіанскаго сочувствія, а не по сознанію долга, не по убѣжденію, что она нужна и будетъ благотворна для нашего ближняго?

III.) Есть ли нужды въ предѣлахъ нашего прихода, которыя возлагали бы на насъ обязанность принять въ нихъ участіе

по долгу церковной общины? На этот вопрос можно отвечать различно: посмотрим слегка, мы не замѣтимъ ихъ, посмотримъ внимательно, найдемъ непременно. Такъ у добраго и распорядительнаго хозяина, какъ бы ни было исправно въ домѣ, всегда что нибудь найдется недоконченное. При этомъ нужно помнить, что свойство любви христовой таково, что она сама ищетъ и открываетъ нужды другаго, а не дожидается, пока страданія другихъ сами придуть къ ней за помощію; съ другой стороны часто великая нужда и тяжелое горе бываютъ до того терпѣливы, до того глубоко скрыты въ душѣ человѣка, что никогда не обнаружатъ себя и ускользаютъ отъ неопытнаго взора. Но симъ причинамъ вовсе не думается, чтобы въ предѣлахъ нашего прихода не было предметовъ для дѣйствій христіанской любви.

Правда, первые два предмета изъ указанныхъ Высочайше утвержденнымъ положеніемъ не требуютъ особенной нашей заботы. Нашъ св. храмъ, благодаря усердію всѣхъ лицъ, душевно ему преданныхъ, а особенно благодаря трудамъ и усердію нѣкоторыхъ на прим. нашего храмолюбиваго предсѣдателя (*) сего собранія, находится въ весьма благолѣпномъ видѣ и едвали заставляеть желать лучшаго. Дай Богъ, чтобы въ другихъ мѣстахъ нашего отечества, особенно въ тѣхъ, гдѣ православная церковь имѣетъ много враговъ, храмы Божіи имѣли пятую долю того величія и благолѣпія, какія имѣетъ нашъ храмъ. Состояніе церковныхъ зданій вамъ извѣстно: существенныхъ передѣлокъ они не требуютъ; есть нѣкоторыя поврежденія, которыя требуютъ исправленія; но они не капитальныя. Впрочемъ вопросъ о церковныхъ зданіяхъ будетъ скоро предметомъ вашихъ разсужденій. Нужно замѣтить только, что наша церковь въ содержаніи себя и своихъ зданій свободно можетъ обойтись своими средствами безъ особенной

(*) Церковный староста — купецъ Ланинъ.

жертвы со стороны овоихъ членовъ. Далѣе, церковный причтъ, если не весь находится въ безбѣдномъ состояніи: то, имѣя готовое помѣщеніе, онъ не терпитъ крайности и можетъ переносить свою судьбу безъ особаго ропота. Присемъ, мы бы покорнѣйше просили васъ, какъ представителей—нашего прихода, избавить насъ отъ подозрѣнія, будто мы только и имѣемъ въ виду свои выгоды и удобства. Для насъ слишкомъ обидна общеизвѣстная мысль, будто служащіе при церквяхъ только и думаютъ о себѣ, а вовсе не помнятъ того тяжелаго долга, который они взяли на свою совѣсть предъ лицомъ Бога—Суди. Нѣтъ, избавь Богъ быть служителемъ Божиимъ, который бы ничего не видѣлъ выше своей пользы и земныхъ расчетовъ! Всякій знаетъ, какъ страшно шутить долгомъ и своими обязанностями?!

Так. обр. себя мы оставляемъ въ сторонѣ; есть другіе предметы, на которые мы желали обратить ваше общее христіанское вниманіе: это благотворительная сторона въ предѣлахъ прихода. Наша жизнь больше всего, кажется, страдаетъ отъ замѣнутости и недостатка сочувствія къ положенію другихъ; мы привыкли жить только для себя, а до другихъ намъ нѣтъ никакого дѣла. Позвольте мнѣ указать на одинъ живой примѣръ изъ жизни нашей общины. У насъ еще въ свѣжей памяти то время, когда коварство и измѣна посягнули было на общественный порядокъ въ Россіи, когда враги наши подавали надежду мятежу и угрожали раздробленіемъ нашего отечества. Тогда на словахъ мы высказали много любви къ родинѣ, радовались успѣхамъ нашего отечества и негодовали на враговъ нашихъ. Когда бѣда приближалась— было къ нашимъ предѣламъ, мы были на стражѣ день и ночь и готовы были принести всякія жертвы для поддержанія порядка и для подавленія крамолы. Но вотъ время прошло: измѣна уничтожена, спокойствіе возстановлено; люди благонамѣренные ближе вошли въ

положеніе нашихъ единовѣрныхъ и единокровныхъ братій, преимущественно пострадавшихъ отъ мятежа, и нашли ихъ въ самомъ печальномъ положеніи: православные храмы у нихъ были полуразрушены, полнаго круга богослужебныхъ книгъ въ церквахъ не было, приличной церковной утвари не доставало; они нигдѣ не могли свободно достать себѣ домашнихъ молитвенниковъ или святцевъ; не знали, гдѣ научить своихъ дѣтей грамотности, часто не знали самыхъ основъ вѣры православной. Братскою любви, не испытавшей подобнаго горя отъ враговъ православія, предстоялъ рѣдкій случай доказать свое сочувствіе бѣдствующимъ братіямъ. Правительство, первое показавши примѣръ благотворительности, пригласило къ сему доброму дѣлу участіе всего общества: всякой могъ помочь бѣдѣ по своимъ средствамъ. Вотъ выставлена и въ нашемъ храмѣ «кружка для возстановленія и поддержанія православныхъ церквей и школъ въ западныхъ губерніяхъ.» Казалось бы самое мѣсто, гдѣ она помѣщена, (*) могло побудить каждаго не проходить равнодушно мимо сего приглашенія: страданія Иисуса Христа живо напоминали намъ о страданіяхъ нашихъ братій отъ враговъ православія. Что же вышло на дѣлѣ? Стыдно и сказать: прошло около двухъ лѣтъ, какъ поставлена эта кружка, и въ нее никѣмъ не опущено ни одной лепты!... Подумаешь по серьезнѣе, и въ самомъ дѣлѣ становится неловко: какъ это могло случиться, что на столь важное дѣло мы не обратили ни малѣйшаго вниманія?... А говоря по совѣсти, мы глубоко сочувствуемъ и дѣлу православія, и дѣлу народности въ означенныхъ губерніяхъ!. Мы неумѣемъ только прилагать къ дѣлу, осуществлять въ жизни наше сочувствіе.

(*) Она поставлена на самомъ видномъ мѣстѣ—на краю колонны великолѣпнаго балдахина, устроеннаго надъ свѣц. плащеницею и находящагося подлѣ праваго клироса.

Не большимъ сочувствіемъ отличаемся мы и къ нуждамъ братій своей общины. Я знаю только одинъ примѣръ, когда нѣсколько человѣкъ, какъ бы въ память по умершей, вздумали и дѣйствительно помогли человѣку честному, но оставшемуся съ семействомъ безъ крова и куска хлѣба послѣ пожара. И какое прекрасное дѣло! Какъ оно благородно и какъ глубоко должно было подѣйствовать на душу бѣднаго человѣка? Едва ли во всей жизни его найдется воспоминаніе лучше этого воспоминанія: онъ унесетъ его съ собою въ могилу!.. Большею же частію намъ нѣтъ дѣла до положенія другихъ: здоровы ли наши ближніе или больны, легко ли имъ живется или тяжело, есть ли у нихъ насущный хлѣбъ или нѣтъ, нравственно ли они живутъ или нѣтъ, есть ли у нихъ средства воспитывать дѣтей или нѣтъ,—это ихъ дѣло, а не наше. Какъ вамъ кажется подобный образъ жизни?—Съ христіанской точки зрѣнія — жизнь самолюбивая, сосредоточенная только на своихъ выгодахъ, жизнь, не знающая горя и нужды другаго—есть жизнь преступная! Извѣстно, что Содомъ и Гоморра были истреблены страшною казнію: огонь, низшедшій съ неба, до—глы истребилъ ихъ и на мѣстѣ ихъ образовалось Мертвое море, которое тысячи лѣтъ напоминаетъ человѣчеству о страшной карѣ Божіей надъ сими беззаконными городами. За какіе же грѣхи Господь Богъ послалъ такую страшную казнь на жителей сихъ городовъ? Прежде всего за чрезмѣрное—противоестественное плотоугодіе и развратъ, а потомъ за самолюбивую жизнь. *Вотъ какое было беззаконіе Содома, говорилъ самъ Господь Богъ,—гордость. У ней и дочерей ея было хлѣба до—сыта и спокойствіе беззаботное, а руки бѣднаго и нищаго она не поддерживала. И возгордились онѣ, и стали дѣлать мерзости предъ лицемъ Моимъ, и Я отвергъ ихъ, увидѣвъ* (Лез. 16, 49. 50). Я привелъ этотъ страшный примѣръ не для того, чтобы противъ воли побудить себя и васъ къ благотво-

тельности и милосердію къ другимъ, а для того, чтобы показать, какъ велико дѣло состраданія и сочувствія къ другимъ и какъ безъ этого неполна бываетъ наша духовная жизнь?!

Что же, снова спросимъ, есть ли бѣдные и нуждающіеся въ предѣлахъ нашего прихода? По недавнему жителству въ приходѣ семь я еще не много знакомъ съ его внутреннею жизнью; его—нужды вамъ извѣстны болѣе. Но съ своей стороны и я могу предложить вамъ нѣкоторыя стороны жизни, на которыя намъ слѣдовало бы обратить дружное христіанское вниманіе.

Правда, въ предѣлахъ нашего прихода нѣтъ такихъ, которымъ бы угрожала голодная смерть:—избавъ Богъ и дождать этого; нѣтъ, кажется, и особенно нуждающихся; всѣ, слава Богу, живутъ безъ послѣдней крайности и не доходятъ до бѣдственнаго состоянія. Кромѣ сего, членамъ нашего прихода доступны общія городскія средства для возможнаго облегченія тяжелой участи и для нравственнаго образованія: для нихъ открыта общая городская больница или богодѣльня, гдѣ можно найти приютъ въ трудный часъ жизни и избавиться отъ голодной смерти; есть мужскія и женскія училища, гдѣ за незначительную плату можно давать воспитаніе дѣтямъ; иногда нуждающемуся можно получить хоть малое пособіе изъ городскихъ средствъ и под.... Но можно ли скрыть, что указанныя пособія существуютъ болѣе по формѣ, нежели на дѣлѣ? Много ли пользуются ими во время болѣзни или при воспитаніи дѣтей? Мнѣ кажется, что нашей братски-христіанской любви не мало нашлось бы дѣла, если бы мы пожелали, чтобы всѣ члены нашего прихода были въ безбѣдномъ положеніи или могли воспользоваться, въ случаѣ нужды, удобствами города. Наприм. въ настоящее время въ нашемъ приходѣ есть одинъ домъ, гдѣ мужъ и хозяйнѣ дома едвали неболѣе года страдаетъ потерю разсудка; жена, занимаясь самымъ

скуднымъ ремесломъ, должна содержать домъ, семейство изъ 6 человекъ, ухаживать за больнымъ и, по временамъ, опаснымъ мужемъ. Лечить больного дома—средствъ нѣтъ, въ городской больницѣ безъ денегъ тоже не приняли. А больной бываетъ иногда безпокоенъ и не безопасенъ: судите сами, что должна терпѣть жена, что переносить придется дѣтямъ и въ какомъ положеніи долженъ находиться убогій домъ? А дѣло въ такомъ видѣ остается и доселѣ!... Я знаю одинъ домъ, гдѣ заразительною болѣзнію - тифомъ перестрадала вся семья изъ 6-ти душъ. Мать семейства умерла, вовсе не достигши старости, а прочіе члены, при одной помощи Божіей, остались живы: этой семьѣ, не смотря на трудолюбіе отца и матери, нечѣмъ было жить, о помощи медицинской нечего было и думать.... Если бы мы приложили, хоть малую долю христіанскаго состраданія; можетъ быть, мы спасли бы хозяйку дома и мать четырехъ дѣтей, которой у нихъ теперь нѣтъ!..... Я знаю одно семейство, состоящее душъ изъ 9-ти, въ которомъ, не смотря на все трудолюбіе отца и любовь его къ семейству, при его грамотности, семь человекъ дѣтей остались неграмотными, будучи принуждены съ малолѣтства посильными трудами помогать отцу и свискивать себѣ пропитаніе. О важности грамотности я не говорю вамъ, какъ людямъ опытнымъ и понимающимъ дѣло.. По слуху мнѣ знакомо одно семейство, которое, говорятъ, прежде жило въ довольствѣ. Родители умерли, остались малолѣтныя дѣти, которые не могли справиться съ хозяйствомъ и недавно они разорены въ конецъ. Есть признаки, что родители оставили добрую пачала дѣтямъ, но они нынѣ не имѣютъ, гдѣ главу приклонить. Не странно ли, что изъ всей приходской общины не нашлось ни одного столь добраго человѣка, который бы принялъ христіанское участіе въ судьбѣ малолѣтнихъ дѣтей и не допустилъ ихъ остаться безъ пріюта? Словно родители ихъ,

разставаясь съ землею живыхъ, оставили своихъ дѣтей въ пустынь или среди враждебныхъ людей, а не среди христіанскихъ братій, обязанныхъ любить другъ друга по примѣру Спасителя, предавшаго Себя на смерть за спасеніе всѣхъ! Я замѣчалъ многихъ членовъ нашей общины, которые во время болѣзни ни однажды не могли пригласить къ себѣ врача земнаго кромѣ Врача небеснаго. Конечно, вѣра въ промыслъ Божій есть основаніе жизни христіанской; но мы должны употреблять и помощь земную, а они этого не могли сдѣлать и умирали, покоряясь своей тяжелой участи!.... Есть другіе случаи, гдѣ таже христіанская любовь не позволяла бы намъ оставаться равнодушными зрителями того несчастья, которому иногда подвергаются наши ближніе, которая не позволяла бы намъ иногда быть свидѣтелями ихъ гибели; потому что отъ этого недуга нерѣдко происходитъ смерть: я разумѣю пьянство, которому иногда предаются нѣкоторые. Нерѣдко, должно быть, всѣмъ намъ приходилось слушать жалобы отъ лицъ, которымъ суждено нести печальныя послѣдствія этой несчастной страсти..... Вѣрно не красна ихъ жизнь, если они въ подобныхъ случаяхъ, забывая всѣ родственныя связи, жалуются всему міру и у него ищутъ облегченія! . . . Неужели мы можемъ считать себя правыми предъ Богомъ, не принимая съ своей стороны ни малѣйшаго участія въ облегченіи судьбы нашихъ ближнихъ? Скажутъ, что въ этомъ случаѣ не будетъ толку? Но, не дѣлая опыта, отрицать успѣхъ—не значить ли давать опору своему равнодушію и оправдывать свою совѣсть? Почему знать, можетъ быть дружное дѣйствіе и не останется безплоднымъ? Вотъ, по моему мнѣнію, стороны изъ жизни нашей церковной общины, на которыя намъ слѣдовало бы обратить общее христіанское вниманіе. Другія стороны откроются нашимъ общимъ взорамъ (*).

(*). Мысль этого отдѣленія возбудила общее сочувствіе.

IV). Так. образ. дѣло въ томъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ намъ нужно оказать другимъ христіанское состраданіе и братскую помощь. Но здѣсь—то, кажется, и камень преткнанія!... Одинъ изъ членовъ нашего прихода въ разговорѣ со мною объ учрежденіи попечительства, признавая высокоость его цѣлей, спросилъ у меня: «откуда же попечительство возьметъ средства?» Когда узналъ, что средства должны составиться изъ добровольныхъ пожертвованій, сказалъ: «ну, толку не будетъ!» На вопросъ мой: почему онъ такъ думаетъ?—онъ отвѣчалъ, что при нынѣшнихъ обстоятельствахъ не много найдется охотниковъ на пожертванія. Мнѣ кажется, что это есть образъ мыслей не только большей части нашего прихода, но, къ несчастію, едвали не большей части нашего общества. У насъ добровольныхъ пожертвованій боятся какъ огня или заразы. Какія причины заставляютъ бояться этихъ добровольныхъ жертвъ: точно ли соблюдается тамъ добровольная жертва, или этимъ именемъ только прикрывается принужденіе, бываетъ ли тамъ по чувству цѣль пожертвованій или она внутренно многими не одобряется: это не мое дѣло. Мнѣ только желалось бы увѣрить всѣхъ и cadaго, что въ настоящемъ случаѣ нѣтъ и тѣни нарушенія доброй воли ни въ цѣли жертвы, ни въ средствахъ собранія ея. Выше цѣли сихъ пожертвованій ничто не можетъ быть: она имѣетъ задачу—оказать христіанскую помощь тѣмъ нашимъ собратіямъ, которые составляютъ первый кругъ нашихъ ближнихъ и раздѣляютъ съ нами жизнь естественную и духовную. Что же касается до собранія этихъ пожертвованій, то здѣсь нѣтъ ни малѣйшаго принужденія. Кто имѣетъ усердіе и средства принести что нибудь въ пользу общаго блага, пусть приноситъ, сколько желаетъ и когда желаетъ; нѣтъ средствъ или нѣтъ расположенія, пусть ничего и не даетъ; его никто принуждать не будетъ. Я бы отъ души желалъ, чтобы въ этомъ дѣлѣ

устранены были всякія постороннія побужденія и соображенія, чтобы это доброе дѣло оставалось дѣломъ совѣсти каждаго и совѣсти всего прихода. Впрочемъ, чтобы показать важность добровольной жертвы, какъ дѣла милосердія и состраданія къ бѣднымъ, припомнимъ, что въ ветхомъ завѣтѣ Господь Богъ закономъ опредѣлилъ — отдавать въ пользу храма и служащихъ при немъ *десятую часть имънія*. Въ новомъ завѣтѣ Іисусъ Христосъ не далъ намъ заповѣди, сколько мы должны жертвовать въ пользу храма и бѣдныхъ: это, какъ и многое другое, Онъ предоставилъ нашей христіанской совѣсти. Но собственный примѣръ Іисуса Христа, который самъ обнищалъ, чтобы обогатить насъ, выше всякой заповѣди. Это вполнѣ поняла первенствующая церковь, которая имѣла все общее и у которой не было никого нуждающагося. Руководясь этимъ же духомъ, и христіанская церковь скоро приняла за правило, чтобы вѣрующіе *десятую часть имънія* отдавали въ распоряженіе епископа, который за удовлетвореніемъ нуждъ церкви, употреблялъ эти приношенія въ пользу больныхъ и бѣдныхъ, находившихся подъ покровомъ церкви. Такъ было нѣкогда и въ русской церкви, вскорѣ по принятіи нашимъ отечествомъ вѣры Христовой; и въ Кіевѣ донинѣ существуетъ церковь, которая носитъ названіе *десятинной*: нынѣ она какъ бы служить памятникомъ, что наша церковь есть церковь древле — христіанская. Согласимся снова, что подобное правило, по условіямъ нашей жизни, неисполнимо и мы къ нему ничѣмъ не обязаны; но вспомнимъ, что на насъ все же лежитъ *домъ* христіанской любви и все — же мы *обязаны* исполнять его по разумѣнію своей совѣсти.

Чтобы кто — нибудь не убоялся добровольныхъ пожертвованій и чтобы никто не тяготился ими, я съ своей стороны, для составленія средствъ попечительства, считаю полезнымъ указать на слѣдующія стороны изъ жизни нашей общины.

1.) Известно, что почти у всех, или большей части членов нашего прихода вошло въ благочестивый обычай ежедневно подавать посильную милостыню бѣднымъ. Предоставляя частную и стороннюю благотворительность волѣ и совѣсти каждаго, я желалъ бы выразить о семъ предметѣ свою мысль. Избавь Богъ отъ осужденія нищихъ, но нельзя скрыть, что между просящими милостыни Христа ради есть дѣйствительно бѣдные и нуждающіеся; но, какъ всеѣмъ известно, есть столько же, если не болѣе лицъ, злоупотребляющихъ милостынею. Между просящими именемъ Иисуса Христа есть мужчины и женщины съ силами, которые могли бы пропитывать себя честнымъ трудомъ и избѣгать грѣховъ — тунеядства и богохульства (потому что злоупотреблять христіанскою милостынею и свою лѣнь, а иногда нечестивую жизнь прикрывать именемъ Христа — я считаю богохульствомъ); есть дѣти 14, 15 и даже болѣе лѣтъ, которые безбѣдно могли бы достать себѣ пропитаніе и сдѣлаться добрыми людьми, но которые нынѣ вмѣсто труда пріучаются къ осправности, дѣлаются бесполезными членами общества и привыкаютъ къ порочной и зазорной жизни. Есть лица, которые пользуются милостынею для удовлетворенія своей страсти. Вспомнимъ тѣхъ двухъ несчастныхъ, которые нѣсколько лѣтъ влачили въ ооло вашихъ жилищъ, возбуждали ваше состраданіе (*) и пользовались вашею милостынею; вамъ известно, какъ кончилась ихъ жизнь: одинъ кончилъ свою нетрезвую жизнь въ исправительномъ заведеніи, другой умеръ скоропостижно отъ чрезмѣрнаго употребленія крѣпкихъ напитковъ. Да проститъ намъ Господь Богъ — судія всехъ, что мы потревожили ихъ память и рѣшились занять урокъ отъ ихъ

(*) Эти два примѣра общезвѣстны. Одинъ изъ сихъ несчастныхъ глубоко былъ преданъ пьянству и на это то болѣе въ теченіе 10-ти лѣтъ употреблялъ подаваемую ему милостыню. Другой возбуждалъ состраданіе увѣчьемъ отъ природы, у него были скорчены руки. Конецъ жизни ихъ извѣстенъ всеѣмъ.....

жизни! Можно подумать, что если бы сострадавшие имъ дали болѣе разумный характеръ своей милостынѣ; то съ ними не случилось бы такого несчастія! Вамъ извѣстно, что у многихъ пригородныхъ нашихъ братій есть не разумный обычай въ зимнее время, когда сельскія работы сокращаются, безъ особенной нужды посылать въ городъ не очень малолѣтнихъ дѣтей для собиранія милостыни, или идти за нею самимъ. Вамъ извѣстно, сколько безпорядка и безчинія производится просящими Христа ради на улицахъ и въ храмахъ Божіихъ; какъ глубоко портится у нихъ чувство стыда и чести; сколько развивается у нихъ грубости, лицемерія, лжи и обмана. Вы сами знаете, чѣмъ часто оканчивается для многихъ дѣтей это праздное шатаніе по улицамъ, по достиженіи ими совершеннѣйшаго: какое словно страшное наказаніе они получаютъ за злоупотребленіе именемъ Иисуса Христа и милостынею ближнихъ? Вамъ самимъ извѣстно, что у многихъ милостыня Христа ради дѣлается ремесломъ, иногда довольно выподнымъ, такъ что они собираютъ сумму, значительно превышающую ихъ насущныя потребности жизни. Нѣтъ сомнѣнія, что Господь Богъ исполнитъ оцѣнить доброе чувство подающаго просящему во имя Христова, воздастъ ему награду и строго взыщетъ съ того, кто злоупотребляетъ состраданіемъ ближнихъ. Но не лучше ли было бы, если бы и мы съ своей стороны дали своей жертвѣ въ пользу бѣдныхъ болѣе разумный характеръ, оказали помощь истинно нуждающемуся въ ней и тѣмъ иному не дали бы повода злоупотреблять милостынею христіанскою? По моему мнѣнію, пусть та жертва, которая ежедневно раздается вами постороннимъ, кромѣ очевидно заслуживающихъ состраданія и помощи, поступитъ въ общую кассу на нужды прихода; пусть всякій членъ нашей общины, приходя въ воскресный или праздничный день въ храмъ Божій, положить въ кружку на приходскія нравственныя потребности то, что онъ раздаетъ

бѣднымъ въ теченіе седмицы или мѣсяца; вѣдь нужды приходскихъ братій намъ ближе, нежели нужды, иногда сомнительныя, постороннихъ; поучимся распоряжаться своею благотворительностію сначала въ предѣлахъ болѣе тѣсныхъ, потомъ подумаемъ о кругѣ болѣе обширномъ. Мнѣ кажется, что если бы каждый приходъ занялся удовлетвореніемъ своихъ нуждъ, тогда само собою уменьшилось бы число просящихъ подающія во имя Христа; вотъ, мнѣ кажется, первый источникъ для составленія посильныхъ средствъ нашего попечительства!

2.) Въ нашей жизни бываютъ собранія, на которыхъ, въ самое непродолжительное время, изъ рукъ въ руки переходитъ не очень малое количество денежной суммы; видно, что эти деньги добываются не съ большимъ трудомъ, если владѣльцы ихъ такъ легко обходятся съ ними; видно, что потеря ихъ не обременительна для хозяина..... Я говорю не противъ игръ и предоставляю судить о семъ предметѣ совѣсти каждаго, хотя совѣтывалъ бы вообще побольше имѣть благоразумія въ подобныхъ случаяхъ. У насъ есть другія развлеченія, гдѣ тоже не скупились на жертвы для собственного удовольствія. Я не говорю и противъ этихъ удовольствій: отрѣшиться отъ развлеченій значило бы стать на высокую степень христіанской жизни, а наша жизнь такъ далека отъ совершенства!.... Но я желалъ бы сказать только, что если человѣку такъ легко бросать нѣсколько рублей, даже десятковъ рублей безъ дѣла и пользы, то не странно ли, чтобы не сказать болѣе, такому человѣку отказаться что—нибудь положить изъ подобной суммы въ пользу нуждъ прихода? тяжело ли будетъ ему хотя одну подобную часть обратить на доброе христіанское дѣло? Мнѣ кажется весьма естественнымъ, чтобы и тотъ, кому за вечеръ такъ легко досталось нѣсколько десятковъ рублей, и тотъ, кто такъ легко потерялъ ихъ, или истратилъ ихъ на развлеченія,

— всё такie часть подобной суммы положили въ кружку для благотворительныхъ цѣлей прихода съ тою мыслію, чтобы Господь Богъ не поставилъ имъ во грѣхъ напрасной потери времени и части своего достоянія... Одинъ изъ членовъ сего собранія сказалъ однажды самъ: «вотъ здѣсь (на вечернихъ собраніяхъ) мы теряемъ десятки рублей, а попроси нищій, пожалѣемъ подать и десятую часть рубля!...» Конечно, здѣсь много правды о нашей жизни; но если такъ, то въ самомъ дѣлѣ, полезно подумать о семъ предметѣ и поступить поразумнѣе и поосновательнѣе!

3.) У насъ есть еще одна сторона жизни, которая хотя рѣдко повторяется; но мы можемъ найти въ ней третій источникъ для составленія средствъ попечительства. Именно, въ нашей жизни бываютъ часы и минуты, когда мы стоимъ выше расчетовъ земныхъ: мы тогда смотримъ на себя съ духовной стороны, вспомняемъ свою прошлую жизнь, поскорбимъ о нашихъ недостаткахъ и грѣхахъ, подумаемъ о вѣчности и жизни загробной, желали бы примириться съ Богомъ и своею совѣстію и хотѣли бы загладить свои согрѣшенія какимъ либо дѣломъ... Чтобы далеко не искать добрыхъ дѣлъ, мнѣ кажется, весьма приличнымъ въ такіе часы раздумья положить свою посильную — добровольную жертву въ кружку для нравственныхъ нуждъ прихода. Здѣсь соблюдены будутъ все условія добраго дѣла: милостыня — дѣло великое и священное — сдѣлана тайно и остается извѣстною только Богу и нашей совѣсти; она принесетъ несомнѣнную и значительную помощь и послужитъ великимъ благомъ для нашего ближняго — члена нашей общины; и говорю несомнѣнную потому, что — эта помощь будетъ оказана по вашему общему указанію и соображенію. Вотъ, по моему мнѣнію, источники, изъ которыхъ могутъ составиться средства нашего попечительства: они никого не могутъ устрашить налогами и не могутъ быть скудными. Прочее все предоставляется

воль и совѣсти каждаго, которыя составляютъ основу попечительства: пусть всякій принесетъ въ общую пользу то и столько, что и сколько можетъ!....

V.) Въ заключеніе всего, по моему мнѣнію, нужно завести кружку съ надписью: «для благотворительныхъ цѣлей въ приходѣ,» въ которую безлично и съ сохраненіемъ тайны будутъ собираться добровольныя жертвы. По прошествіи известнаго времени, въ собраніи членовъ попечительства, можно будетъ вскрывать эту кружку и собранныя деньги счетомъ внести въ книги, заведенныя при нашемъ попечительствѣ. Изъ этихъ — то средствъ и можно будетъ производить посильное пособіе тѣмъ нуждающимся братьямъ нашего прихода, которыхъ члены попечительства признаютъ заслуживающими христіанской помощи и состраданія. Вообще же не будемъ — хладѣть въ дѣламъ устрояющагося попечительства; но не будемъ горячиться и торопиться. Призвавъ Бога на помощь, начнемъ понемногу пріучаться къ дѣлу и пробовать свои силы: хорошо будетъ и то, если мы сдѣлаемъ хотя что нибудь добраго, котораго прежде у насъ не было; время и усердный опытъ научатъ насъ большему.

Свящ. Д. Лебедевъ.

ГЛУХОТЪ МЫЕ СЛЪЩИ.

(О К О Н Ч А Н І Е.)

Далѣе. Тотъ внутренній позывъ образовать систему внѣшнихъ знаковь, какіе могъ бы въ точности понимать другой и какими мы пользуемся въ звукахъ нашего слова для обозначенія всего воспріятаго совѣдъ, прочувствованнаго внутри, для обозначенія нашихъ мыслей, желаній, требованій и проч.,

— столь сильный въ каждомъ изъ насъ, былъ удивительно си-
ленъ и дѣтеленъ и въ Д. Митчлѣ. Правда, звуки, изда-
ваемые его гортанью, были, какъ и у всѣхъ ему подобныхъ
глухонѣмыхъ, скорѣе похожи на грубый лай или вой, чѣмъ
онъ выражалъ свое неудовольствіе или горе, или на безоб-
разный громкій хохотъ, чѣмъ онъ выражалъ свою радость,
если онъ сознавалъ, что онъ, хотя въ какихъ нибудь мело-
чахъ, торжествуетъ надъ умомъ и смысленностью зрячихъ
и слышащихъ: а всежъ языкъ его знаковъ былъ тѣмъ замѣ-
нательнѣе, что онъ совершенно самостоятельно образовалъ
его, при томъ рѣшительно безъ пособія зрѣнія, какъ это дѣ-
лають другіе глухіе отъ рожденія. Этотъ языкъ не ограничи-
вался только лишь передачею его собственныхъ нуждъ и по-
требностей, напр. указаніемъ мѣста, гдѣ обыкновенно стави-
ли пищу и питье, если онъ чувствовалъ голодъ или жажду,
но возвышался до представленія другихъ, внѣ этаго замкну-
таго круга находящихся предметовъ, — даже до разсказа цѣ-
лыхъ исторій. Если онъ желалъ видѣть сосѣднаго сапожника,
то онъ давалъ это замѣтить, принимая всѣ позы этаго мас-
тероваго, когда онъ сидитъ надъ работой. Когда умеръ отецъ
его и цѣсколько времени спустя пришелъ портной снять съ
него мѣрку на траурное платье, Джемсъ взялъ его за руку,
повелъ въ комнату, гдѣ умеръ отецъ, закинулъ назадъ голову
и шею, чтобы точнѣе обозначить положеніе неподвижнаго
мертвеца, потомъ повелъ его на кладбище, которое было не
вдалекѣ отъ отцовскаго дому, и указалъ на могилу, куда
опустили дорогой для него трупъ. А вотъ объ этомъ обстоятельствѣ
что можетъ сказать намъ самый завзятый матеріалистъ? Три
мѣсяца спустя послѣ смерти его отца, однажды, въ воскре-
сеніе вечеромъ, заходитъ въ его матери насторъ. Джемсъ
освѣдомляется, кто пришелъ, потомъ обращается ко всѣмъ
присутствующимъ, указываетъ на библію покойнаго отца и

дѣлаеть знакъ, чтобы всѣ бывшіе тутъ преклонили колѣна и стали на молитву. И такъ, живая связь между непримѣннымъ для разсѣяннаго плотскаго зрѣнія и слуха высшимъ духовнымъ міромъ и между человѣкомъ была чувствуема во всей ея силѣ и этимъ несчастнымъ калѣвою. И такъ и въ этого многоскорбномъ духѣ и разумѣніи не *нессвидѣтельствована себе* остави милосердый Создатель, Господь и Владыка челоуѣческаго духа, свѣтъ челоуѣческаго разумѣнія, просвѣщающій всякаго челоуѣка грядущаго въ міръ. И такъ, и этотъ челоуѣкъ былъ не безъ религіи. Иначе какимъ образомъ истолкуете вы это, столь высокое по своему знаменованію и столь самостоятельное по своему происхожденію, явленіе? Положимъ, новый пасторъ могъ напомнить ему молящагося отца и его біблію. Положимъ, въ одно воскресенье, вечеромъ, мальчикъ могъ, по своей любознательности, осязать за бібліей, на молитвѣ, всю свою семью, какъ это и донынѣ ведется въ пуританской Шотландіи. Но откуда же въ немъ эта *идея молитвы*, которую онъ, какъ по всему видно, истолковалъ себѣ не какъ простое обыкновенное дѣйствіе, а скорѣе какъ *священнодѣйствіе*, къ которому челоуѣкъ обязанъ приступить съ особеннымъ расположеніемъ духа, смиривъ въ себѣ всѣ другіе помыслы, — *кольнопреклоненный*? Посредствомъ осязанія можно было познакомиться его только съ *образомъ* этого *дѣйствія*, но — *ни съ его содержаніемъ, ни съ его значеніемъ и цѣлью*; а мы уже, по предъидущему знаемъ, что этотъ, глубоко пытливый духъ стремился понять каждое дѣйствіе, свое и чужое во всей полнотѣ составляющихъ его моментовъ. — И вотъ, краснорѣчивымъ языкомъ своего жеста онъ ищетъ выразить передъ окружающими его, что и въ немъ обитасть животворящее дыханіе Духа Божія, высокій даръ молитвы, *союзомъ совершеннымъ, прискреннымъ союзомъ* любве связующій созданіе съ его Создателемъ

Хотя всѣ знаки, посредствомъ которыхъ другіе сообщали ему свои мысли, могли быть ощутительны для него только при непосредственномъ прикосновеніи къ его головѣ или рукамъ, однакоже самъ онъ никакъ не желалъ объясняться съ другими такимъ же образомъ, но выражалъ свои мысли держась отъ другаго поодаль, — разумѣется опять разнаго рода жестами, ибо у него только такъ вполне могло проявиться все то, что у другихъ высказывалось въ голосѣ и словахъ, замѣняемыхъ здѣсь жестами. Примѣтное глазу возбужденіе члена, жестъ, въ существѣ дѣла, тоже самое, что слышимый уху звукъ. Звуки и голоса, какъ и видимые глазу жесты, суть результаты одной и той же движущей силы. И, видно, хорошо же могъ уяснить себѣ это убогій горемыка, если прибѣгнувъ къ такому способу выраженія своихъ мыслей. Говорила въ этомъ несчастномъ вся подстановка его тѣла, всѣ его обороты, весь этотъ, во внѣшнемъ движеніи проявляющійся, внутренній разумъ его, для всякаго ясный и понятный съ перваго же взгляда. Чѣмъ назвать эти характерные жесты, которыми, положимъ, онъ выражалъ все свое удивленіе и весь восторгъ, когда ему удавалось подмѣтить въ своемъ глазу слѣдъ солнечнаго луча, если не печатью разумнаго духа? Впрочемъ, какъ уже можно было неоднократно примѣчать изъ предъидущаго, эта высшая разумная сила души проглядывала во всякомъ его дѣйстви, со всѣми обычными этой способности направленіями. Эта именно сила опредѣляла всѣ его отношенія къ окружающимъ его предметамъ и существамъ — она давала ему наблюсти взаимодействие и всякія перемѣны въ отношеніяхъ между ними. На внутреннихъ свойствахъ разума обоснована была въ немъ та покорность чужой волѣ, та уступчивость и раскаяніе въ сдѣланныхъ проступкахъ, какія онъ давалъ замѣтить въ себѣ, если ему кротко указывали на его ошибки, если спокойно требовали исправиться;

изъ тогоже источника шло и горячее негодование, которое охватывало его, если обходились съ нимъ съ неумѣренной строгостію. Это говорилъ въ немъ голосъ *правды*, которая въ каждомъ разумномъ человѣкѣ есть законъ и мѣра всѣхъ его дѣйствій. Разумно было въ немъ и признаніе *права*, признаніе своей и чужой собственности и, какъ видно, охраннымъ оружіемъ, которое дано душѣ человѣческой въ защиту противъ насилія, отлично умѣлъ пользоваться и этотъ мальчикъ, когда пришелъ къ мысли, что, отправляясь напр. въ конюшню на обычную ревизію и желая освидѣтельствовать принадлежавшихъ понаѣхавшимъ гостямъ лошадей, чего ему слуги очень часто не позволяли, потому что отецъ строго это воспрещалъ, — къ мысли, что предварительно надобно запирать даже наружныя двери въ кухню, чтобы слуги не могли уже видѣть оттуда ровно ничего на дворѣ. Разумъ располагалъ его и къ тѣмъ служебнымъ операціямъ, какія онъ, по собственному побужденію, производилъ въ домѣ и на конюшнѣ, и къ тѣмъ проявленіямъ столь свойственной человѣку нѣжности, какую онъ такъ часто, въ томъ или другомъ, высказываетъ передъ благодѣтельными для него и любимыми имъ существами. Онъ по запаху слышалъ, что его сестра имѣла на себѣ мокрую обувь — тотчасъ онъ приносилъ ей сухіе башмаки и заставлялъ перемѣнить. Разлука съ тѣми, кого онъ любилъ, была для него весьма тягостна; на первыхъ порахъ онъ обнаруживалъ сильную скорбь даже тогда, если слуги (наемные) покидали отцовскій домъ. Позже, можетъ быть, неоднократно перемѣною ихъ наведенный на мысль, что одни и тѣже слуги для него не такъ необходимы и не могутъ быть такъ къ нему близки, какъ свои родные, онъ оставался при этихъ перемѣнахъ спокоенъ; но отлучки родителей и ссоры постоянно приводили его въ сильное душевное движеніе.

При такой нѣжной и живой привязанности ко всему, что было для него слишкомъ близко, поведение убогаго мальчика, при смерти любимаго имъ отца, оставалось бы совершенно непонятнымъ; если бы не слѣдовало при этомъ предполагать опять той же внутренней дѣятельности и свойственной человѣческому разуму способности раздвигать объемъ своихъ выводовъ и заключеній все шире и шире, чего, даже при всей вѣшной бѣдности его въ средствахъ къ обнаруженію своихъ мыслей и чувствъ, все—таки нельзя было не примѣчать, глядя на него прямо и просто. Джемсу было ужъ около 16 лѣтъ, когда умеръ (въ іюнь 1811 г.) отецъ его. Не задолго до того времени мальчикъ забавлялся однажды мертвой птичкой, которую онъ беспрестанно клалъ себѣ на колѣни и хохоталъ, когда птичка, вмѣсто того, чтобъ вспорхнуть или по крайней мѣрѣ стать на ножки, всякій разъ падала наземь; но это на вѣдь ли могло дать ему какое нибудь понятіе, что такое смерть. Онъ позналъ ее, когда руки его коснулись перваго человѣческаго трупа, и—это былъ мертвый трупъ его отца; на первый разъ онъ съ ужасомъ отдернулъ свою руку прочь; но потомъ онъ осязая неподвижный мертвый трупъ отца еще однажды въ гробу, и—вечеромъ, послѣ погребенія, видѣли, что онъ обѣими руками сыплетъ удары на свѣжую могильную насыпь; сестра, которая была тутъ же но стояла подалше отъ него, чтобъ не быть примѣченною наблюдала всѣ движенія, въ какихъ высказывалось преобладающее въ немъ тогда чувство. Въ продолженіе многихъ дней посѣщалъ онъ отцовскую могилу очень часто и, замѣчательно, съ тѣхъ поръ никогда не пропускалъ ни одного погребенія, и чуть только осѣдомился, что оно будетъ на томъ же самомъ кладбищѣ, ужъ онъ былъ тамъ. Какія мысли приходили тогда ему въ голову? Поднималъ—ли онъ смерть какъ дано понимать ее намъ? Но откровенія свыше, которое

примириеть челоѵѵка съ этимъ грознымъ явленіемъ, онъ не получилъ, а разумъ челоѵѵчскій, предоставленный единственно своимъ соображеніямъ, на первыхъ порахъ, скорѣе возмущается этимъ не естественнымъ явленіемъ въ судьбѣ живаго челоѵѵка, и вотъ, можетъ быть, естественная причина того негодованія, которое онъ старался излить надъ свѣжей могилою, навсегда разлучившею его съ любимымъ существомъ.

Есть, однакоже, поводъ думать, что это негодованіе впоследствии улеглось и что онъ воспиталъ въ себѣ другія на этотъ счетъ мысли. Припомнимъ, какъ онъ поступилъ съ своими домашними три мѣсяца спустя послѣ этой катастрофы, пережитой его семействомъ. Покойный отецъ являлся въ его воспоминаніяхъ все таки *живымъ* челоѵѵкомъ, за библіей, на молитвѣ. Послѣ этого, съ нашей стороны, надо полагать, не будетъ особенной непослѣдовательности, если мы заключимъ отсюда, что мысль о смерти, какъ понимаютъ ее нынче материалисты, всего меньше свойственна неискущенному въ горнилѣ цивилизаціи уму челоѵѵка. Къ материалистическимъ возрѣніямъ на эту катастрофу челоѵѵкъ приходитъ уже долго спустя, когда имъ окончательно овладѣваетъ такъ называемое разсудочное направленіе, не выступающее изъ сферы чувственного опыта и внѣшняго возрѣнія. Тутъ одинъ беспощадный анализъ и смерть всему живому. Такимъ анализомъ нашъ Митчль ни въ какомъ случаѣ быть не могъ и потеря отца не разбила, даже не осилила въ немъ просто-душно-дѣтской вѣры въ жизнь, потому что и послѣ онъ все-таки не могъ освоиться и признать умѣстнымъ и необходимымъ существующаго нынѣ порядка вещей, въ томъ смыслѣ, какъ учить объ этомъ материалистическая философія; такъ, онъ горько плачетъ, когда, похороня своего супруга, тяжело заболѣваетъ осиротѣвшая вдова, Джемсова мать; такъ, когда однажды понездоровилось и ему и его совершенно случайно

хотѣли было уложить на постель, на которой скончался его отецъ, онъ не могъ оставаться на этой постели ни одной минуты ⁽¹⁰⁾ и только тогда успокоился, когда его перевели хворать на другое мѣсто. Что можетъ и должно означать все это, *что тутъ за смыслъ*, который долженъ же проглядывать *въ самомъ чувствѣ*, съ какимъ человекъ такъ или иначе отъносится къ окружающимъ его явленіямъ и на какое, пожалуй, могутъ указать намъ, чтобъ только отдѣлаться отъ подобнаго вопроса? Но какъ бы кто ни отдѣлывался отъ него, а по нашему, идея вѣчной жизни есть одна изъ существенныхъ элементовъ живой разумной души человѣческой. По этому-то мысль о безсмертіи, хоть бы только едва примѣтной звѣздочкой, а все же мерцаетъ на горизонтѣ человѣческаго сознанія съ глубочайшей древности. Свѣтъ ея становится вовсе непримѣтнымъ, меркнетъ, только въ сознаніи отдѣльно взятаго лица и то подъ условіемъ, на которое мы указали выше, т. е. если оно постарается извратить въ себѣ всѣ коренныя, первоначальныя требованія своей натуры, или правильнѣе если его окончательно *задаетъ* стихійная цивилизація, которая въ поступательномъ, моментальномъ движеніи большею частію имѣетъ дѣло только лишь съ какою нибудь одною изъ его способностей, и развиваетъ ее до песс plus, въ ущербъ всему цѣлому, въ ущербъ другимъ духовнымъ силамъ и отправлениямъ.

Послѣ всего этого, въ силу принятаго въ сочиненіяхъ порядка, мы могли бы написать «такимъ образомъ» и заключить наше продолжительное разглагольствіе о Митчлѣ нѣсколькими приличными выводами, которые сами собою идутъ подъ перо и изъ которыхъ бы значилось, что самостоятельная дѣятельность человѣческаго духа, во всѣхъ ея направле-

(10) боясь умереть.

ніяхъ, не оставляетъ ни какого по себѣ сомнѣнія даже въ такомъ человѣкѣ, каковъ этотъ убогій Джемсъ со своимъ, такъ сказать, наполовину законченнымъ дѣломъ; что этой дѣятельности вотъ по тому-то и по тому-то нельзя принять за сумму механически принятыхъ совнѣ впечатлѣній, что впечатлѣніе, понимаемое внѣшнимъ чувствомъ, постукаетъ въ мысль и состоитъ къ ней вотъ въ такихъ-то и такихъ-то отношеніяхъ, и т. д. и т. д. Было бы оно, можетъ и послѣдовательно и вообще не дурно. Но намъ могли бы замѣтить, что всѣ эти выводы идутъ не изнутри предложеннаго на разсмотрѣніе факта, не изъ подлиннаго и несомнѣннаго его содержанія, а изъ нашихъ личныхъ воззрѣній на этотъ фактъ, вѣрность и обязательность которыхъ еще можетъ подлежать сомнѣнію и во всякомъ случаѣ не устраняетъ произвола въ истолкованіи того или другаго явленія въ дѣятельности Митчля, «который,» могли бы тутъ надбавить намъ «по вашимъ же собственнымъ завѣреніямъ, все-таки дальше жеста «въ откровеніи внутренняго смысла своихъ дѣйствій не пошелъ, «а жестъ еще далеко не такой опредѣленный знакъ, который «бы непременно должно было понимать такъ, а не иначе,» и пр. и пр.

Положимъ, мы могли бы сказать кое что и противъ этого, но такъ-какъ мы уже сами себя ограничили прежде и въ теоріи не обѣщали вдаваться ни подъ какимъ видомъ, ибо каждая теорія непременно снѣшить, то лучше всего сдѣлаемъ, если, покончивъ на этой ступени его развитія съ старымъ знакомымъ, который со всѣмъ пыломъ его глубокихъ, энергическихъ стремленій—почеловѣчески осмыслить свою бѣдную жизнь, вдохнуть разумъ въ свои дѣйствія и единственно силою этого разума завоевать у природы то, въ чемъ она такъ безжалостно отказала ему, дѣйствительно, въ откровеніи внутренняго смысла внѣшнихъ проявленій своей дѣятельности

дальше жеста идти не могъ, если говоримъ, покончивъ съ нимъ, поближе присмотримся, а главное повнимательнѣе прислушаемся, *какъ намъ пояснить* всѣ затронутыя нами вещи другой нашъ знакомецъ, *самъ, самолично*, и не многосмысленнымъ жестомъ, а *на словахъ*, въ значеніи которыхъ никто не сомнѣвается.

Зовутъ его Эдуардъ Мейстръ. Живетъ онъ въ Швейцаріи, въ Лозаннѣ, маленькомъ городкѣ, который, однакоже, имѣетъ нѣкоторое воспитательное заведеніе, какового въ началѣ нашего столѣтія не имѣлъ у себя и громадный Лондонъ, и какихъ у насъ, на всемъ протяженіи этой «шестой части» свѣта со всѣми ея большими городами, всего только два. Это заведеніе — носитъ названіе *убѣжища слѣпыхъ*. Здѣсь воспитывается отъ 20 до 30 молодыхъ людей обоего пола, до 20 лѣтняго возраста. Заведеніе состоитъ изъ школы, рабочей мастерской, глазной лѣчебницы для приходящихъ и глазной больницы. Въ недавнее время стараніями директора заведенія устроена при немъ еще типографія для слѣпыхъ, гдѣ всѣ работники слѣпые.

Учатъ слѣпыхъ грамотѣ, мастерствамъ, и даже искусствамъ, музыкѣ, пѣнію. Книги, ноты, географическія карты приготавлиются для нихъ съ выпуклыми буквами. Читаетъ онъ въ тысячу разъ лучше зрячихъ, потому что «они говорятъ по книгѣ,» а не читаютъ. Память у нихъ необыкновенная, какъ будто за тѣмъ, чтобы они имѣли у себя поменьше книгъ, которые ужь очень громоздки. И какъ они учатся! «Десятилѣтняя дѣвочка, говоритъ русскій авторъ корреспонденціи изъ Лозанны, «могла разсказать содержаніе каждой главы изъ Евангелія, оцупавъ пальцемъ заглавную цифру.» Какъ — то невольно при этомъ обращаешься на себя, на свои школы, на своихъ зрячихъ учителей, на своихъ зрячихъ учениковъ и ученицъ и — отъ всей души жалешь, что, по несчастью, принадлежишь къ

привилегированнымъ на землѣ существамъ, съ принадлежностями, которыя ровно не въ прокъ ни учителю, ни ученику.

Директоромъ этого любопытнаго заведенія г. Гирцель изъ Цюриха. Онъ—человѣкъ замѣчательный и знакомство съ нимъ доставляетъ много истиннаго наслажденія. Ему около 50 лѣтъ, и вотъ уже 22 года онъ завѣдываетъ «убѣжищемъ для слѣпыхъ,» которое, по словамъ нашей корреспондентки, имъ и создано. Съ ранняго возраста у него—призваніе къ педагогической дѣятельности именно этого рода. Въ это дѣло онъ, кажется, всю душу свою положилъ: безпрестанно изобрѣтаетъ новыя пріемы, новыя средства, лучшіе практическіе способы къ воспитанію слѣпыхъ; придумываетъ новыя занятія для того, чтобы темному ихъ воображенію сдѣлать доступными сокровища свѣта и т. д. Величайшимъ его подвигомъ русскій корреспондентъ «Дня» по всей справедливости полагаетъ воспитаніе глухонѣмаго слѣпца, о которомъ у насъ теперь рѣчь. Дѣло это, подлинно, диво человѣческаго разумнія и любви человѣческой.

Когда Гирцель встрѣтился съ Эдуардомъ Мейстромъ, несчастному былъ уже 18 годъ. Въ какомъ состояніи онъ его нашель, мы уже видѣли; къ довершенію бѣдъ—отецъ пьяница пріучилъ его къ вину, пользуясь этимъ средствомъ для того, чтобы сынъ его не беспокоилъ. Глухъ и нѣмъ онъ былъ отъ рожденія. Зрѣніе потерялъ на 6 году отъ рожденія, опять вслѣдствіе несчастнаго случая. Въ памяти у него, какъ объяснялъ онъ впоследствии, осталось только какое—то смутное представленіе свѣта, особенно о звѣздахъ, «какія—то маленькія, желтоватыя точки вдали, такія красивыя—красивыя.»

Нашель въ немъ человѣческаго Гирцель, какъ мы уже сказали, одно чувство осязанія, и когда ему попадалась въ руки какая нибудь мягкая масса, онъ тотчасъ принимался что нибудь лѣпить изъ нея, также любилъ обтачивать ножомъ

куски дерева. Значитъ, и въ немъ человѣческая способность измѣнить видъ вещи по своему усмотрѣнiю уже просилась наружу, уже искала для себя выхода на просторъ. А вѣдь эта способность мало по малу мѣняетъ самое лице земли. Какое животное приступало когда нибудь къ этому? Эта особенная склонность привлекла къ себѣ и вниманiе Гирцеля и подала ему первую мысль о возможности воспользоваться ею для развитiя Мейстра. Съ удивительнымъ терпѣнiемъ и умѣнiемъ Гирцель мало по малу довелъ ученика своего до того, что онъ сдѣлался искуснымъ токаремъ, очень ловко сталъ владѣть инструментами, выказалъ талантъ и вкусъ и предался точенно съ увлеченiемъ самаго живаго интереса. Въ настоящее время это уже своего рода артистъ: «столько у него тонкаго чутья «во всемъ, что относится до *формы*; такая точность и отчетливость въ работѣ, такое пониманiе всѣхъ принадлежностей своего дѣла!»

Но все таки, помимо осязанья, у Гирцеля не было другого средства войти съ Мейстромъ въ нравственное сообщенiе, не было возможности раскрыть для этой темной души мiръ идеи, ввести ее въ кругъ нравственно—религiознаго развитiя. «Отсюда уже начинается драма, въ которой совершенно своеобразно тоже рѣшается великiй вопросъ — «быть или не быть.» Дѣло идетъ именно о томъ, человѣкъ-ли Мейстръ, или нѣтъ, есть ли въ этомъ «животномъ» душа человѣческая или нѣтъ, съ такими ли она силами, какъ и у всѣхъ насъ, или нѣтъ, есть ли основанiе производить ее изъ чувственнаго впечатлѣнiя, или нѣтъ, мiръ идеи, мiръ духа, понимаемый не какъ сила въ матерiи, не какъ механическое движенiе въ часовомъ механизмѣ, а въ своей отдѣльности отъ вещества, въ своей обособленности, какъ самостоятельный живой мiръ какъ источникъ начало идеи и жизни, даетъ ли въ чемъ нибудь ощутить себя этой душѣ, или нѣтъ: — вотъ важнѣйшiе вопросы, на которые

должна была такъ или иначе отвѣтить завязываемая между человѣкомъ и животнымъ существомъ въ образѣ человѣческомъ борьба — долгая, упорная, великая, — борьба, въ которой, какъ безошибочно можно было заключить, на первыхъ порахъ почти нельзя было предвидѣть хоть малѣйшаго условія къ благополучному исходу дѣла и побѣдному торжеству человѣка надъ животнымъ, которое онъ брался поднять изъ обитаемой имъ сферы и возвысить до себя. Это былъ великій «подвигъ любви, предъ которымъ духъ подавляется благоговѣніемъ.» Глубоко волнуютъ всѣ перипетіи этой драмы. Передадимъ, какъ было все дѣло, не отступая ни на шагъ отъ источника, откуда почерпаемъ наши свѣдѣнія: не у всѣхъ же изъ нашихъ читателей можетъ быть въ рукахъ № журнала, гдѣ помѣщена неоднократно упомянутая нами корреспонденція изъ Лозанны.

«Однажды, говорится тамъ, Гирцель попробовалъ дать своему ученику (Мейстру) понятіе о человѣческой рѣчи, о томъ, что есть способъ выражать словами или знаками сперва видимые, потомъ и невидимые предметы. Онъ взялъ инструментъ, который былъ всего знакомѣе Мейстру, пилу, и положилъ ее возлѣ него по правую руку на столъ, а съ лѣвой руки сложилъ слово: *пила* большими деревянными буквами; потомъ заставилъ Мейстра оцупать — сначала правой рукой пилу, а за тѣмъ лѣвой рукой — сложенное слово. Переставлялъ нѣсколько разъ инструментъ и буквы то въ ту, то въ другую сторону, пробовалъ множество другихъ способовъ, чтобы дать понятіе о соответствіи между тѣмъ и другимъ — напрасно: физиономія глухонѣмого слѣпца оставалась по прежнему неподвижною — понятіе не появлялось. Нѣсколько мѣсяцевъ употреблялъ Гирцель на рѣшеніе этой задачи, по видимому не разрѣшимой — чего онъ не перепробовалъ! Наконецъ Мейстеръ, вдругъ, въ одно мгновеніе *понялъ*, что 4 деревянные буквы

означаютъ пилу. ⁽¹¹⁾Надо было еще дать ему понятіе о томъ, что буквы должны слѣдовать одна за другою въ известномъ порядкѣ—онъ всѣ ихъ вмѣстѣ смѣшивалъ не различая. Какъ скоро это первое понятіе въ немъ утвердилось, Гирцель положилъ ему другой инструментъ и соотвѣтствующія его названію буквы. Тутъ явилось новое затрудненіе. Темный человѣкъ ни коимъ образомъ не въ состояннн былъ различить два слова, тѣмъ болѣе, что въ одномъ имени встрѣчались тѣже буквы, какія были въ другомъ и которыя онъ почиталъ принадлежностью этаго другаго имени. Прошло еще нѣсколько недѣль, когда онъ понялъ *различіе словъ*. Это была для него точно минута внезапнаго вдохновенія—онъ схватилъ одною рукою пилу и ея названіе, другою—другой инструментъ и его буквы, поднялъ ихъ вверхъ и сталъ переносить справа на лѣво, слѣва на право каждый предметъ съ его буквами—ему хотѣлось показать какъ можно явственнѣе, что онъ *понимаетъ*. Съ этой минуты фундаментъ былъ положенъ, первыя, капитальныя трудности были побѣждены. Мейстеръ получилъ идею о знаннн и съ жадностью на него набросился, сталъ искать во всѣхъ углахъ новыхъ предметовъ, приносилъ ихъ къ Гирцелю и требовалъ имени и буквъ. Скоро ужъ затруднительно стало говорить съ нимъ, складывая деревянныя буквы: тогда Гирцель изобрѣлъ для него азбуку, въ родѣ азбуки глухонѣмыхъ, съ тою разницею, что знаки передаются въ ладонь посредствомъ осязанія. Мейстеръ тотчасъ понялъ мысль Гирцеля, сталъ учиться съ усердіемъ и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ можно было объясняться съ нимъ этой азбукой довольно свободно. Мало по малу научился онъ читать, даже писать, получилъ свѣдѣніе обо всѣхъ окружающихъ его предметахъ.»

(11) Ср. что было нами выписано изъ известной книжицы объ амн. вѣрять этимъ книжицамъ безусловно?

«Тогда Гирцель счелъ возможнымъ идти дальше, ввести темнаго человѣка въ новый кругъ идей.

«Однажды онъ положилъ ему въ руку кусокъ хлѣба и спросилъ его: изъ чего хлѣбъ сдѣланъ?—Изъ муки, отвѣчалъ Мейстръ.—Откуда мука?—Изъ зерна.—Откуда зерно?—Изъ травы.—А траву кто создалъ?

«Можно себѣ представить, въ какомъ волненіи находился Гирцель, когда предлагалъ этотъ вопросъ ученику своему. Что онъ отвѣтитъ? Отвѣтъ долженъ былъ показать ему, до чего можетъ простираться мѣра понятливости ученика его.

«Глухонѣмой слѣпецъ задумался, наконецъ отвѣчалъ: *солнце*. Какъ было не порадоваться такому отвѣту? Отвѣтъ ⁽¹²⁾ означалъ, что Мейстръ умѣетъ соединять въ умѣ своемъ оживляющее, знакомое и испытанное дѣйствіе солнечныхъ лучей — съ существованіемъ растенія (причину съ слѣдствіемъ): Мейстръ, подобно первобытному дикому человѣку, соединялъ съ понятіемъ о солнцѣ понятіе о силѣ творческой.

—А солнце, спросилъ за тѣмъ, Гирцель кто солнце создалъ?—

«Глухонѣмой не отвѣчалъ ни слова и только потрясъ головою, давая понять, что не знаетъ!

«Тогда Гирцель сказалъ ему медленно съ разстановкой, чтобы явственнѣе впечатлѣть слова въ его понятіе: есть Существо безконечно доброе: Онъ сотворилъ солнце. Онъ сотворилъ все, что только есть въ мірѣ; зовуть его—Богъ.» Сказалъ и ушелъ отъ него, чтобы дать ему время размыслить.

«Вернувшись къ нему черезъ нѣсколько часовъ, Гирцель нашелъ его въ углу; онъ сидѣлъ неподвижно, погруженный въ новую мысль.—О чемъ ты думаешь, спросилъ Гирцель?— Думаю о томъ, кто сотворилъ солнце, отвѣчалъ глухонѣмой.

(12) А между тѣмъ, что и какъ говорится объ этомъ въ нашей выдержкѣ изъ извѣстной книжицы!

Душа человеческая нашла своего Создателя. Свѣтъ проникъ въ его душу, сквозь тройную тьму ея; проникъ, и сталъ поднимать и вызывать въ ней скрытыя силы на прозябене. Какъ описать радость учителя при этомъ пробужденіи духа въ ученикѣ! Гирцель говорить, что *когда бы можно было сомнѣваться* въ существованіи прирожденной идеи о бытіи Божіемъ, прирожденнаго чувства вѣры, этотъ опытъ уничтожилъ бы всякое сомнѣніе? (13)

Продолжать—ли?—надо, потому что тутъ еще мы не можемъ видѣть всего человѣка.

«Съ этого пункта Гирцель пошелъ далѣе началъ знакомить Эдуарда Мейстера съ евангелиемъ, рассказалъ ему,—на сколько было можно дать ему читать—евангельскую исторію земной жизни Христа Спасителя. Темному уму, едва просвѣтленному началомъ свѣта, надобно было прежде передать человѣческой образъ Спасителя, оставивъ до времени таинственное понятіе объ искушеніи. Мейстеръ могъ усвоивать себѣ новыя идеи только въ послѣдовательномъ порядкѣ и съ большими промежутками: каждую новую идею надо было, точно зерно, класть въ землю и оставлять, чтобъ она, подобно зерну, сама собою медленно выростала и развивалась, не мѣшалась съ другими образами, съ другими идеями. Пособлять этой внутренней работѣ мысли можно было только частымъ повтореніемъ одного простаго слова.

«Замѣтно было, что Мейстеръ сразу былъ до глубины тронуть и заинтересованъ образомъ Христа Спасителя, онъ не уставалъ выслушивать малѣйшія подробности Его жизни, не уставалъ предлагать вопросы о Немъ. Мейстеръ былъ очень привязанъ ко врачу заведенія Рекордону и однажды вдругъ предложили Гирцелю такой вопросъ: «не врачъ ли былъ Иисусъ Христосъ?»—Въ другой разъ, именно въ самомъ началѣ спро-

(13) А что говорить сдѣланная нами выдержка?

«Силь оне!» «плакаль ли Христось?» и велѣдь за тѣмь «смылся ли Христось?» Не правда ли, какіе простые и вмѣстѣ съ тѣмь углубокіе вопросы. Точно простая душа, знающая и страданіе и радость, хочеть увѣриться, что въ томъ и другомъ участвуетъ ея Спаситель. Когда, наконецъ, достигло въ немъ до полноты познаніе о жизни Іисуса Христа, онъ сказалъ однажды всѣми движеніями восторга: «одинъ только Онъ можетъ быть такой.» Видно было, что въ душу въ нему вошло сознаніе идеала, чистое зерно вѣры въ божественность Христову.» «Оставались еще не тронутыми глубокіе вопросы — о грѣхѣ, о покаяніи, о благодати Христовой, о смерти, о жизни вѣчной. Гирцель ждалъ терпѣливо удобной минуты, когда можно будетъ коснуться и этихъ вопросовъ: сердце его стояло на стражѣ у распускающейся мысли, и вотъ, однажды подошла удобная минута.

«У Мейстра оставалась еще съ дѣтства приобретенная дурная склонность къ пьянству. Гирцель съ перваго же дня поступленія Мейстра въ заведеніе, старался искоренить въ немъ эту привычку, но все — таки отъ времени до времени она въ немъ обнаруживалась. Мейстръ сталъ уже взрослымъ человѣкомъ, и когда выходилъ изъ заведенія, отправлялся съ тѣмъ нибудь гулять — и поддавался искушенію. Однажды слыше товарищи, съ которыми ходилъ онъ гулять, завели его въ кабакъ. Когда онъ вернулся домой, Гирцель, выговаривая, спросилъ его, зачѣмъ онъ это сдѣлалъ? На это побужденный какимъ то невольнымъ движеніемъ, Мейстръ отвѣчалъ:» Не я, это другіе завели меня.» Неправда ли, какъ явно въ этомъ отвѣтѣ повторяется отвѣтъ перваго человѣка на первое обличеніе въ грѣхѣ? Пускай такъ отвѣчаютъ другіе: можно предположить, что другимъ такой отвѣтъ подсказываетъ чувство, родившееся бессознательно изъ сообщенія съ людьми, изъ многообразныхъ впечатлѣній внѣшняго міра а у этого человѣка,

отрѣщеннаго отъ людей и отъ вѣшняго міра—откуда какъ не изъ прирожденнаго свойства души взялось это первое движеніе—отречься отъ зла и перенестъ на другихъ вину его?

«Гирцель рѣшилъ не упускать этаго случая. Черезъ нѣсколько дней, окончивъ съ ученикомъ своимъ урокъ чистописанія, Гирцель напомнилъ ему о томъ, что случилось «сказавши:» ты былъ виноватъ (*vous avez commis une faute*). Но на французскомъ языкѣ, на которомъ происходилъ разговоръ, слово *faute* означаетъ и *вину* и *ошибку*; а какъ слова эти были сказаны послѣ урока чистописанія, то Мейстръ, хотя и понималъ въ чемъ дѣло, съ замѣчательною хитростію ухватился за это послѣднее значеніе слова и отвѣчалъ Гирцелю: «можно исправить ошибку,» показывая рукою, какъ можно стереть или изгладить написанное. Тогда Гирцель, видя, что употребилъ не то слово, сказалъ ему: «ты сдѣлалъ *грѣхъ*, а *грѣхъ* нельзя изгладить,» и сказавши это, ушелъ!»

«Въ тотъ же день Мейстръ успѣшилъ самъ завести разговоръ о томъ же предметѣ, и съ этой минуты между нимъ и Гирцелемъ завязалась упорная борьба: слухонѣмой слѣпецъ не хотѣлъ ни за что принять идею о грѣхѣ, котораго нельзя изгладить; онъ придумывалъ самые затѣйливые аргументы, чтобы освободиться отъ тяжелой мысли о грѣхѣ неизгладимомъ, и кружился съ ними во всѣ стороны, точно отмахиваясь отъ строгаго слова, сказаннаго Гирцелемъ;» грѣхъ нельзя изгладить. «Какъ это, опять, напоминаетъ намъ всѣ тѣ движенія падшаго человѣческаго разума, которыя, во множествѣ системъ и ученій, идутъ сквозъ всю исторію,—всю ту затѣйливую и хитрую аргументацію прикровенной лжи и софизмовъ, въ которыхъ задача,—сколькобъ ее ни варьировали, все таки—освободиться отъ тяжелой мысли о грѣхѣ неизгладимомъ, снять съ себя отвѣтственность,—въ свойственныхъ

человѣку недостаткахъ, искать и находить оправданіе не только ошибкамъ, но даже злодѣйству и тяжкимъ преступленіямъ! Вотъ гдѣ настоящая причина, почему такъ часто разумъ человѣческій даже возьмется на разумъ Божій; вотъ гдѣ ключъ къ рѣшенію вопроса, почему нынѣ въ особенности все стараются свести на внѣшнее впечатлѣніе и произвести изъ этого впечатлѣнія, даже сознаніе нетовѣческое, всю человѣческую душу. Тогда бы, разумѣется, самые важнѣйшіе вопросы ставились на иную ногу и «міръ духа», принятый за мечту воображенія, которое хочетъ наполнить пробѣлы въ уразумѣній вещей, не допускаемые причинными отношеніями, терялъ бы для человѣческаго сознанія прежнюю обяательность и силу и, главное, человѣкъ зависѣлъ бы единственно отъ себя самаго. Но, видно, построить сознаніе изъ впечатлѣній не то, что добыть хлороформъ. Проходили дни. Мейстръ сталъ меньше общителенъ, однажды цѣлый день ничего не ѣлъ и не принимался за работу и просидѣлъ въ углу, погруженный въ глубокое раздумье. «Совѣсть заговорила въ немъ: надъ нимъ тяготѣла идея о грѣхѣ. Онъ лишился сна и впалъ въ мрачное состояніе духа. Мы знаемъ, что и съ человѣчествомъ было тоже самое. Гирцель, видя своего ученика въ такомъ безотрадномъ положеніи, счелъ нужнымъ вступить къ нему немедленно. Онъ подошелъ къ Мейстру, взялъ его за руку и сказалъ: «ты еще не умѣешь хорошо читать и писать—постарайся хорошенько; тогда я скажу тебѣ, кто можетъ изгладить грѣхъ». Мейстръ принялся опять за дѣло, пришелъ въ прежнее покойное состояніе духа, но избѣгалъ уже тщательно всякаго разговора о предметѣ, отъ котораго потерпѣлъ столько тяжкаго испытанія. Такъ прошло довольно времени. Глухонѣмой слѣпецъ сдѣлалъ большіе успѣхи въ ученіи. Удостоверившись въ этомъ, Гирцель однажды сказалъ ему: «я открою тебѣ тайну». Глухонѣмой въ ту же минуту спросилъ: «вѣрно ты скажешь мнѣ, кто можетъ

изгладить грѣхъ.» Годъ илишкомъ прошелъ съ и того времени, какъ Гирцель общалъ ему открыть эту тайну, и обещаніе залегло въ душу Мейстра, неотставая отъ его мысли, но Гирцель, не отвѣчая прямо, самъ предложилъ ему вопросъ: «какъ ты думаешь, кто можетъ изгладить грѣхъ? Глухонѣмой отвѣчалъ ему совершенно по дѣтски: дръ Рекордонъ. — Нѣтъ, — сказалъ ему на это Гирцель и повторилъ вопросъ. Мейстръ еще подумалъ и отвѣчалъ: «не ты ли, Гирцель? нѣтъ — и тутъ, — напомнимъ то, что самъ глухонѣмой слыной когда то выразилъ о Христѣ, Гирцель прибавилъ:» только *одинъ* можетъ изгладить грѣхъ, — Иисусъ Христосъ.» Сказавши это, Гирцель, держась принятой системы, ушелъ и оставилъ Мейстра одного съ новой его мыслию. На слѣдующее утро Мейстръ пошелъ къ женѣ Гирцеля, которую очень любилъ и объяснилъ ей, что не спалъ цѣлую ночь; — «по я не спалъ, прибавилъ онъ, не отъ того, что я болѣнъ; я нисколько не болѣнъ и голова у меня не болитъ; — напротивъ, я доволенъ, о какъ я доволенъ, я знаю теперь, что Иисусъ Христосъ изгладитъ мой грѣхъ!»

ИМ. Надѣмся, что, послѣ этихъ многозначительныхъ словъ, понятія: правда, добро, Богъ, спасеніе, жертва за грѣхъ и шире получаютъ для всякаго искони связанный съ ними смыслъ, котораго не даетъ виѣшнее впечатлѣніе, совершенно безразличное ко всякимъ правдамъ и неправдамъ, ко всякимъ нравственнымъ требованіямъ и вопросамъ. Тяжкимъ путемъ доходить человѣкъ до уясненія этихъ понятій; или правильнѣе, онъ этой вѣрѣ въ правду и добро, которая присущи исключительно его богоподобному духу и которыхъ олицетвореніе эта оживая вѣра видитъ въ Сынѣ Божіемъ, — Спасителѣмъ человѣковъ; и для того, чтобы достигнуть этой живой вѣры, всѣ они должны погрузиться и пройти къ свѣту боговѣднія темной бездною ураскаянія, какъ это было и съ Эдуардомъ Мейстромъ, и въ этомъ отъ днѣ живая вѣра видѣна.

За тѣмъ пошла у него *жизнь*, какъ понимаетъ ее мыслящій человѣкъ и вѣрующій христіанинъ, — та *человѣческая жизнь*, которая всего меньше можетъ быть изъяснена изъ механическаго соотношенія своеобразно сложившихся по какому то случаю ⁽¹⁴⁾ въ человѣческій составъ частицъ нѣкоторой фантастической, способной въ самоопредѣленіямъ, матеріи, *жизнь*, которая въ себѣ же самой порождаетъ о себѣ мысль, развиваемую потомъ въ своемъ содержаніи до ея идеи, т. е. не только до простаго сознанія, что она есть то или то по своимъ проявленіямъ, но до сознанія, что она должна быть тѣмъ то и тѣмъ то по направленію своей дѣятельности, по своимъ стремленіямъ. И стоитъ эта жизнь человѣческая съ тѣхъ поръ какъ она вошла въ міръ на своихъ собственныхъ основаніяхъ, которыя въ мысли о себѣ производитъ отъ Высочайшей Силы и Премудрости, сотворившей солнце и человѣка. И не поддается она, богообразная, никакимъ ариѣметическимъ выкладкамъ, имѣющимъ въ виду замкнуть ее въ узкую формулу сухаго научнаго положенія; и громко протестуетъ она противъ односторонняго ея пониманія, и бьетъ она эту узкую формулу, физическую и метафизическую, въ дребезги и свободно поступаетъ дальше.....

И. Соколовъ.

(14) Своеобразно и — по случаю: первый предикать предполагаетъ въ своемъ субъектѣ расчетъ, разумъ, цѣли, образъ, идею; второй — терминъ, давнымъ давно пущенный въ ходъ, но, какъ всякій сразу примѣтитъ такой безсоразительный и пустой, что подъ нимъ рѣшительно нечего мыслить и никакъ нельзя его (понятія случай) разложить на его составные элементы. Ужь нечего и говорить, что этотъ слабый богъ пылкихъ материалистовъ дастъ имъ то, чего самъ у себя не имѣетъ, напр. законъ, который, какъ основаніе вещи, для нея рѣшительно необходимъ — но ихъ же выкладкамъ и стало быть исполнѣ ей цѣлесообразенъ. Откуда онъ взвалитъ это? Пусть у него былъ алфавитъ изъ крушнхъ и мелкихъ буквъ. Какимъ образомъ, пустивъ его наветеръ, онъ могъ ожидать потомъ, что вслѣдствіе взаимодействія двухъ совершенно пассивныхъ силъ, эти частички матеріи совершенно своеобразно сложатся..... ну хоть въ материалистическую теорію, которую можно читать и понимать?

ЕПАРХІАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

СЪ 31-ю ІЮЛЯ ПО 30-е АВГУСТА.

Вечеромъ 31-го іюля, въ субботу, Его Преосвященство присутствовалъ въ надворотней Одигитріевской церкви при совершеніи всенощнаго бдѣнія и самъ принималъ въ ономъ участіе исхожденіемъ съ братією сей церкви на литію и величаніе, помазаніемъ народа и изношеніемъ животворящаго креста на всеобщее поклоненіе.

1 числа августа, въ воскресенье и въ день происхожденія честныхъ древъ честнаго и животворящаго креста Господня, предъ Литургією, былъ крестный ходъ съ чудотворною иконою Богородицы Одигитрій изъ Каѳедрального Собора въ надворотную Одигитріевскую церковь, гдѣ въ одномъ изъ придѣловъ былъ сего числа и храмовой праздникъ. Божественную Литургію въ сей церкви совершилъ Преосвященнѣйшій Антоній, въ сослуженіи Архимандритовъ Павла, Алексія и братіи надворотняго храма, а послѣ Литургіи онъ же, съ семи сослужащими, при участіи и всего градскаго духовенства, совершилъ крестный ходъ на рѣку Днѣпръ и положенное въ этотъ день послѣдованіе малаго водоосвященія. Въ священной процессіи изъ надворотняго одигитріевского храма на рѣку Днѣпръ находились, кромѣ чудотворной соборной иконы Одигитрии, еще другія двѣ иконы: Казанскія Богоматери изъ Казанской церкви и святителя Николая чудотворца изъ Нижнениколаевской церкви.

5 Августа, въ четвергъ, наканунѣ праздника Преображенія Господня, Его Преосвященство присутствовалъ въ Каѳедральномъ Соборѣ при совершеніи всенощнаго бдѣнія; вмѣстѣ съ соборнымъ духовенствомъ выходилъ на литію, на величаніе и самъ помазывалъ народъ освященнымъ елеемъ.

6 Августа, въ пятницу, въ день Преображенія Господня, предъ Литургією, изъ Каѳедрального Собора былъ крестный

ходъ съ чудотворною иконою Божіей Матери Одигитріи въ Спасо—Аврамievъ училищный монастырь, по случаю храмоваго праздника въ верхней церкви онаго монастыря. Въ то же время былъ и другой крестный ходъ, — изъ приходской одигитріевской церкви, съ храмовою Богородичною иконою сей церкви, въ приходскую церковь Спасо—преображенскую. Божественную Литургію въ Преображенской церкви Авраміева монастыря и молебень послѣ оной совершаль Преосвященнѣйшій Антоній, а проповѣдь говорилъ настоятель монастыря Архимандритъ) Павель. Въ сослуженіи Литургіи находились: Архимандриты Павель и Алексій, Протоіереи—Ждановъ и Юшеновъ, Иеромонахи—Аврамій и Захарій, а въ отправленіи молебна участвовало, кромѣ ихъ, и градское духовенство, бывшее въ крестномъ ходу. — Діаконъ Тюремно--Николаевской Смоленской церкви Андрей Синяковъ рукоположенъ сего числа во священника въ село Львово Бѣльскаго уѣзда. —

8 Августа, въ воскресенье, Его Преосвященство освящаль въ Троицкомъ монастырѣ возобновленную больничную церковь во имя святыхъ — праведныхъ Анны, — Матери Пресвятыя Богородицы. Онъ же служилъ Литургію въ новоосвященной церкви и царскій молебень послѣ Литургіи. Въ сослуженіи сего числа были: Архимандриты Павель и Алексій, Каѳедральный Протоіерей Павель Ждановъ, Иеромонахи— Антоній, Сергій и Павель (казначей Троицкаго монастыря), изъ коихъ послѣдній во время Литургіи награжденъ набедренникомъ за особенныя труды его по возобновленію Аннинской церкви. —

13 Августа, въ пятницу, Его Преосвященство освящаль возобновленную во имя Святителя Тихона Задонскаго Чудотворца домовую церковь, устроенную въ зданіи бывшаго тюремнаго замка и приписанную къ приходской города Смоленска Воскресенской церкви. За симъ онъ же совершаль и Литургію въ новоосвященномъ храмѣ, въ сослуженіи Ректора семинаріи

Архимандрита Павла, Протоіереевъ — Глухарева и Юшенова и священника Іоанна Каверзнева 14 Августа, въ субботу, послѣ Литургіи, Преосвященнѣйшій Антоній, вмѣстѣ съ соборнымъ духовенствомъ, изволилъ служить въ Кафедральномъ Успенскомъ Соборѣ панихиду о упокоеніи всѣхъ преставльшихся Преосвященныхъ Митрополитовъ, Архіепископовъ и Епископовъ смоленскихъ, начиная отъ епископа Игнатія (1133 г.) до Архіепископа Тимофея (1862 г.). —

Вечеромъ тогожъ числа, наканунѣ храмоваго праздника въ Кафедральномъ Успенскомъ Соборѣ, Его Преосвященство присутствовалъ въ семь соборѣ при совершеніи всенощнаго бдѣнія, продолжавшагося болѣе пяти часовъ. Въ сослуженіи Авраміевскаго и Троицкаго Архимандритовъ, равно и прочаго духовенства, состоящаго при соборѣ и при архіерейскомъ домѣ, Преосвященный выходилъ на литію и благословеніе хлѣбовъ; за тѣмъ, послѣ каеизмъ, исполнилъ положенное по кіевопечерскому уставу такъ называемое надгробное въ честь успенія Богоматери пѣніе, а потомъ и полувелей предъ храмовою иконою, самъ помазывалъ освященнымъ елеемъ собравшійся въ чрезвычайномъ множествѣ народъ и самъ же, послѣ шестой пѣсни канона, читалъ акаѣистъ Успенію Пресвятыя Богородицы.

15-го Августа, въ день Успенія Божіей Матери, Божественную Литургію въ Кафедральномъ Успенскомъ Соборѣ совершилъ Преосвященнѣйшій Антоній, Епископъ Смоленскій и Дорогобужскій, въ сослуженіи Архимандритовъ — Павла и Алексія, Протоіереевъ, Жданова и Доронина, Іеромонаховъ — Аврамія, Антонія, Сергія и Андрея. Проповѣдь говорилъ градскій Благочинный, Протоіерей Іоаннъ Юшеновъ. Послѣ Литургіи былъ молебень Успенію Богоматери и крестный ходъ вокругъ собора съ чудотворною иконою Одигитріи и съ хра-

мовою иконою успенія. Въ молебнѣ и крестномъ ходу участвовало, кромѣ служившихъ Литургію, и все прочее градское духовенство. — За литургіею сего числа воспитанникъ семинаріи Александръ Полчаниновъ рукоположенъ во діакона.

21 Августа, въ субботу, въ день преставленія преподобнаго отца нашего Аврамія, Смоленскаго Чудотворца, былъ предъ Литургіею крестный ходъ съ чудотворною иконою Богородицы Одигитрии изъ кафедральнаго собора въ Авраміевъ училищный монастырь. Божественную Литургію въ Авраміевской монастырской церкви, по случаю храмоваго въ ней праздника, совершалъ Пресвященнѣйшій Антоній. Онъ же, послѣ Литургіи, служилъ и молебенъ Преподобному Аврамію, Смоленскому чудотворцу, а проповѣдь говорилъ Настоятель Авраміева монастыря и Ректоръ семинаріи — Архимандритъ Павелъ. Въ сослуженіи Литургіи находились: Архимандриты Павелъ и Алексій, Кафедральный Протоіерей Павелъ Ждановъ, священникъ Даніилъ Лебедевъ, Геромонахи — Аврамій и Иннокентій, а въ молебнѣ участвовало и прочее градское духовенство, бывшее въ крестномъ ходу. — На литургіи сего числа рукоположены: діаконъ Александръ Полчаниновъ, во священника къ селу Покровскому Гжатскаго уѣзда, а воспитанникъ семинаріи Николай Соколовъ — въ діакона.

22 Августа, въ воскресенье, Его Пресвященство служилъ въ Кафедральномъ Успенскомъ Соборѣ Божественную Литургію, а послѣ оной — благодарственный молебенъ по случаю рожденія сего числа Великой Княжны Ольги Константиновны. Въ сослуженіи Литургіи были: Протоіереи — Ждановъ и Доронинъ, Гермонахъ Андрей и новопосвященный священникъ А. Полчаниновъ, а въ молебнѣ участвовало, кромѣ ихъ, и прочее духовенство города Смоленска. Воспитанникъ семинаріи Александръ Пряниковъ рукоположенъ въ этотъ день во діакона. —

26 Августа, въ четвергъ, въ день коронаціи Его Императорскаго Величества, Божественную Литургію въ Кафедральномъ Успенскомъ Соборѣ служилъ Пресвященнѣйшій Антоній. Онъ же, послѣ Литургіи, совершилъ и положенное по сему случаю молебствіе. Въ сослуженіи литургіи находились: Архимандриты Павелъ и Алексій, и Протоіереи Павелъ Ждановъ и Іоаннъ Юшеновъ, а въ молебствіи участвовало вмѣстѣ съ

ними и все градское смоленское духовенство. — Проповѣдь говорилъ законоучитель губернской гимназіи, Протоіерей Парсений Доронинъ. — На сей же литургіи діако́нъ Николай Соколовъ рукоположенъ во священника въ село Песочню Сычевскаго уѣзда.

29-го Августа, въ воскресенье, и въ день усѣкновенія главы св. Іоанна Предтечи, Его Преосвященство служилъ паннихиду по убіеннымъ на брани православнымъ воинамъ, за тѣмъ самую Литургію совершилъ, проповѣдь говорилъ и молебенъ св. Іоанну Крестителю отправилъ въ домовоіи Предтеченской церкви, по случаю храмоваго въ ней праздника. Въ сослуженіи были Теромонахи, состоящіе при Архіерейскомъ домѣ. — Въ кафедральномъ же соборѣ паннихида по воинамъ предъ литургіею и самая литургія сего числа совершена соборнымъ духовенствомъ. —

30 Августа, въ понедѣльникъ, въ день тезоименитства Государя Императора и Наслѣдника Его, Божественную литургію въ Кафедральномъ Успенскомъ Соборѣ совершалъ Преосвященнѣйшій Антоній, въ сослуженіи Спасо-Аврамѣвскаго Архимандрита Павла, — Троицкаго Архимандрита Алексія и соборныхъ Протоіереевъ — Доронина и Юшенова. Онъ же, послѣ литургіи, вмѣстѣ съ семи лицами и со всемъ градскимъ духовенствомъ, служилъ молебенъ св. Благовѣрному Великому Князю Александру Невскому. — Проповѣдь сказывалъ Кафедральный Протоіерей Павелъ Ждановъ.

— *Содержаніе.* — Нѣсколько словъ о первыхъ собраніяхъ приходскаго попечительства при смоленской ниже-ніколаевской церкви. — Мысли, которыми мы руководились при открытіи приходскаго попечительства. — Глухонѣмые слѣпцы. — Епархіальная хроника. —

Редакторъ Архимандритъ *Павелъ*.

Печатать дозволяется. Цензоры Архимандритъ *Кирилъ* и священникъ Д. Лебедевъ. Смоленскъ. 1865 года Сентября 3-го дня. Въ частной типографіи Подпор. А. Н. Переплетчикова.